ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 15 ноября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 62 (698)

Учиться у народа

10 ноября страна узнала, в каких округах будут баллотироваться товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Микоян, Андреев, Чубарь, Косиор, Жданов, Ежов, Эйхе, Хрущев и другие члены Центрального Комитета ВКП(б). Эта весть с быстротой молнии разнеслась по всему Советскому Союзу. В избирательных округах, где дали согласие баллотироваться руководители партии и правительства, состоялись митинги радости. В Сталинском избирательном округе Москвы на митинг собралось 125 тысяч трудящихся, в Молотовском избирательном округе —свыше 80 тысяч трудящихся. Эти митинги еще и еще раз продемонстрировали моральное и политическое единение народа, горячую любовь и преданность его Сталинскому Центральному Комитету и советскому правительству, готовность отдать свои голоса за того, кто вел и ведет нашу страну от одной победы к другой, кто создал счастье на советской земле.

По всей стране идет регистрация кандидатов в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей. Замечательные люди выдвинуты нашим народом. Это новые люди, воспитанные партией Ленина — Сталина, люди сталинской школы, закаленные в боях за социализм, партийные и непартийные большевики. Каждая биография кандидата, выдвинутого народом,—это богатый материал для советского писателя, благодарная тема для создания высокохудожественных произведений.

Советские литераторы могут гордиться. Им оказана высокая честь. Народ, ценя и любя советскую литературу, выдвинул ее представителей—А. Толстого, М. Шолохова, Сулеймана Стальского, А. Корнейчука, В. Ставского, Шалву Дадиани—кандидатами в депутаты Верховного Совета. Сегодня мы печатаем постановления окружных избирательных комиссий о регистрации кандидатур Алексея Николаевича Толстого, Михаила Александровича Шолохова, Александра Евдокимовича Корнейчука и Сулеймана Стальского в Верховный Совет. Агитировать словом и делом за писателей-кандидатов—первейшая обязанность советских литераторов.

С регистрацией кандидатов начался новый этап избирательной кампании. Развертывается агитация за кандидатов. Для писателя, как активного участника политической жизни в стране, инженера человеческих душ, наступила решающая пора показать себя, послужить народу своим оружием—художественным словом. Очерки, поэмы, стихи, рассказывающие в художественной форме биографии кандидатов, рисующие их портреты, агитирующие за них, уже создаются советскими мастерами слова. Читатели районных, областных, республиканских и центральных газет и журналов, радиослушатели ждут от советских писателей этих произведений. В эти дни голос литератора должен зазвучать особенно громко. Советский писатель — это активный и энергичный помощник партии в ее агитации, гигантской по размаху, охватывающей своим влиянием свыше 100 миллионов человек.

13 ноября состоялось предвыборное собрание писателей Москвы. Выступавшие товарищи с большим удовлетворением рассказывали о своей работе в избирательных комиссиях. Работая среди избирателей, художники черпают в общении с ними новые, животрепещущие темы.

Связь с народом — обязательное условие для каждого писателя. Писатель, который не знает жизни народной, не связан с народом, не может создать высокохудожественного произведения. Слова товарища Сталина о герое Антее должны запомнить все советские литераторы. Сила писателей в их связи с массами, с народом.

Творить для народа—большое счастье. Партия и советская власть создали для литераторов условия, которых никогда не имели старые писатели, не имеют и не могут иметь писатели капиталистических стран. У нас замечательный, умный, культурный и самый требовательный читатель в мире. Удовлетворяет ли советская литература требования этого читателя? Несмотря на свои достижения, наша литература не поспевает еще за темпами жизни страны и, естественно, не удовлетворяет справедливых требований народных масс.

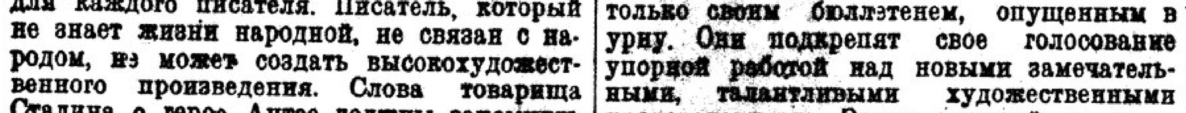
В дни избирательной кампании каждая организация держит серьезный политический экзамен. Сейчас проверяется боеспособность всех общественных организаций и обществ трудящихся. О работе союза писателей страна будет судить и по тому, как он организует участие писателей в избирательной кампании, какую помощь он окажет в агитационной работе в связи с выборами.

И в свете этих требований, в свете вырастающих организационных задач приходится признать, что союз писателей, призванный организовать творческую деятельность советских литераторов, еще не справляется со своей работой. В своей речи на Чрезвычайном VIII Всесоюзном с'езде советов писатель А. Толстой, говоря об удовлетворении требований читателя, сказал: «Хочу, чтобы нетерпение миллионов наших читателей передалось таким благополучным учреждениям, как, например, союз писателей», который должен «немедленно, без раскачивания, заняться строительством творческих условий для нашей литературы». Это справедливое требование было высказано в декабре прошлого года. Недавно А. Толстой, выдвинутый кандидатом в депутаты Верховного Совета, снова вернулся к этой теме: «В нашем союзе писателей очень много посторонних, холодных людей. И пишут они холодно. И создают в союзе атмосферу какого-то дождливого уныния и пустоты».

К этим словам нельзя не прислушаться. Союз писателей должен бурлить, жить боевой дружеской творческой атмосферой, там не может быть места дождливому унынию и пустоте, холодному, равнодушному отношению к людям. Секции союза, призванные развернуть широким планом творческую работу с писателями, организовывать творческие вечера, проводить обсуждения конкретных произведений, помогать писателю в его почетной, но трудной работе, не могут похвалиться успехами. Союз писателей должен лучше организовать армию советской литературы, суметь найти индивидуальный подход к каждому писателю, создать подлинно творческую атмосферу.

Избирательная кампания, являясь проверкой организованности, мобильности, творческой активности писателей, вольет новые силы и в писательскую организацию, возбудит и воодушевит ее для творческой работы.

12 декабря—это день, к которому готовится вся страна, все 100 миллионов избирателей. Они готовятся к тому, чтобы голосовать за кандидатов народа, за того, кто способен управлять социалистическим государством рабочих и крестьян, вести страну к коммунизму, быть верным до конца делу партии Ленина—Сталина. И советские писатели вместе со всем народом проголосуют за этих кандидатов не только своим бюллетенем, опущенным в урну. Они подкрепят свое голосование упорной работой над новыми замечательными, талантливыми художественными произведениями. Этому порукой те условия, которые создали партия, страна, народ для писателей.

ДЕРБЕНТСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

Ответ Сулеймана Стальского своим избирателям

Имя народного поэта Сулеймана Стальского, певца народной радости и счастья, талантливого певца великих сталинских побед, близко и дорого многомиллионному советскому народу.

Это имя с любовью и гордостью произносили колхозники селения Ашага-Сталь, Касум-Кентского района, рабочие и специалисты нефтепромысла Избербаш, трудящиеся предприятий и колхозов Дербентского и Касум-Кентского районов Дагестанской АССР, когда все они выдвигали Сулеймана Стальского кандидатом в депутаты Совета Союза.

Трудящиеся Дагестана и всего Советского Союза с радостью и любовью поддержали кандидатуру популярнейшего народного поэта-орденоносца Сулеймана Стальского.

Сулейман Стальский дал согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза по Дербентскому избирательному округу. В ответ на многочисленные приветствия народный поэт обратился к своим избирателям со следующим стихотворением-посланием:

В Совет Верховный мой народ
Меня наметил — слышу весть
Я, верный сын страны, и вот
Великая дана мне честь...
Куда избыток счастья деть,
Как радость эту не воспеть?

И мне ли, старику, стареть,
Когда дана такая честь.
И где еще, скажите мне,
Почет певцу — в какой стране?
И лишь на родине моей
Великая возможна честь!

★

Но я хочу сказать о нем,
Кто ночью темною и днем
Нам светит пламенным огнем, —
Всегда и всюду с нами — Сталин!

На реках быстрых, на морях,
Степных просторах, в облаках,
В цехах, в колхозах, в рудниках, —
Везде и всюду с нами — Сталин!

Он — солнце яркое, он — тот,
За кем шагает весь народ,
К победам новым кто ведет,
Он, огневое знамя — Сталин!

Кто прошлого развеял муть,
Друзья, кто выпрямил нам грудь,
И кто украсил этот путь
Чудесными цветами — Сталин!

Он рабство сбросил с наших плеч,
Он для врагов разящий меч,
Как буря, ураган, как смерч,
Родной, любимый нами — Сталин!

В счастливом солнечном краю
Его, великого, пою,
И я свой голос отдаю
Тому, кто — наше знамя, — Сталин!

И не один лишь только я, —
Народов дружная семья,
Все голосуем за вождя
Стучащими сердцами — Сталин!

Я буду безгранично рад,
Когда войдет наш мудрый нарт[1]
В Совет Верховный депутат
С достойными сынами — Сталин!

★

Пой, Сулейман, пусть песнь течет,
Тебе народ воздал почет,
Тебе доверье он дает,
Счастливой Родины ашуг.

Страна моя — родной мой кров,
Тебе пою я вновь и вновь!
Я волю выполнить готов,
Народа своего ашуг.

[1] Нарт — легендарный богатырь горского эпоса.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ДЕРБЕНТСКОЙ ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Представленный колхозом им. Кирова селения Ашага-Сталь, Касум-Кентского района, материал полностью соответствует требованиям «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». Комиссия постановляет зарегистрировать Сулеймана Стальского — 68 лет, проживающего в ауле Ашага-Сталь, колхозника, народного поэта Дагестана, беспартийного — кандидатом для баллотировки в депутаты Совета Союза и включить его № 1 в бюллетень для тайного голосования по Дербентскому избирательному округу по выборам в Совет Союза.

И. В. СТАЛИН.

Фото П. Новицкого. Из альбома Союзфото «И. В. Сталин» (фотопортреты)

Василий КАЗИН

ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ

С сыновней нежностью, с любовной
Теплынью, с песней новых лет
Кого ты выберешь в Верховный
Страной намеченный Совет?

Мелькнет героев многих доблесть —
И вдруг, как молнии полет,
Один неизмеримый образ
Твое сознанье обожжет.

И будет радостью согрета
Ответа твердость твоего.
С любовью первенцем Совета,
Конечно, выберешь его...

Его, с чьим именем победа
Как с солнцем свет, как с ветром шум,
Его, великого полпреда
Всех наших лучших чувств и дум.

НОВОЧЕРКАССКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ (РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Отдадим все свои голоса нашему кандидату

Письмо писателю Михаилу Шолохову от трудящихся станицы Цымлянской

Дорогой Михаил Александрович!

Ваше имя, Михаил Александрович, известно не только во всех уголках страны Советов, но и далеко за пределами Союза. Не даром вы призваны представлять литературную общественность Советской страны в Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Вы своим ярким талантом помогали и помогаете коммунистической партии строить счастливую и радостную жизнь, бороться за еще более счастливое будущее. Ваши книги помогают нам разоблачать и выкорчевывать подлых врагов народа, охвостье троцкистско-бухаринских бандитов.

Вы прекрасно знаете нашу страну, нашу действительность и активно участвуете в социалистическом строительстве. Вы прекрасно знаете жизнь советского казачества, готового грудью встать на защиту социалистической Родины. Мы убеждены, что вы будете впредь, как и до сих пор, преданно защищать интересы трудящихся, интересы страны социализма.

Вот почему общее собрание трудящихся казаков, рабочих, колхозников и служащих станицы Цымлянской наметило вас кандидатом в депутаты Совета Союза.

Мы рады были узнать, что вы согласны баллотироваться по Новочеркасскому избирательному округу и призываем всех избирателей округа отдать свои голоса нашему кандидату Михаилу Шолохову.

(Принято единогласно на общем собрании трудящихся станицы Цымлянской. Присутствовало более 900 человек).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ НОВОЧЕРКАССКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА (РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ) ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА О РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЯ ТОВАРИЩА

Михаила Александровича Шолохова

Рассмотрев поступившие в окружную избирательную комиссию документы о выдвижении кандидатов в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР, окружная избирательная комиссия установила полное соответствие представленных документов со статьями 56, 57, 58, 59, 60, 61 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и постановила на основании статьи 60 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» зарегистрировать для баллотировки в депутаты Совета Союза по Новочеркасскому избирательному округу кандидатуру Михаила Александровича Шолохова, 1905 года рождения, члена ВКП(б), писателя, проживающего в станице Вешенской Ростовской области.

Председатель избирательной комиссии КРИЧУНОВ. Секретарь ВОЛКОВ. Члены комиссии: ЧЕЧЕНИН, ГОНЧАРОВ, ЖУРАВЛЕВ, БОНДАРЕНКО, КЛИМЕНКОВА, КОВАЛЕВА, ГОЛОВАЧ.

НОВОЧЕРКАССК, 13 ноября. **(По телеграфу).**

Новые книги к выборам

Партиздатом ЦК ВКП(б) выпущены новые массовые издания, посвященные избирательной кампании.

Массовым тиражом выпущен сборник **«О Конституции Союза ССР»**, об'единяющий важнейшие конституционные и избирательные документы. На первом месте в сборнике доклад И. В. Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном с'езде советов о проекте Конституции Союза ССР и его же доклад от имени редакционной комиссии VIII С'езда советов Союза ССР.

Трехмиллионным тиражом выпущен исторический **доклад В. М. Молотова** на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 года «К двадцатилетию Октябрьской революции».

В миллионном тираже выпущена брошюра **С. М. Буденного «Боец-гражданин»**. Начинается она воспоминаниями маршала о пройденной им солдатской каторге в царской армии, о ее страшных нравах и, по-истине, светлым контрастом встает перед читателем образ Красной Армии — армии рабочих и крестьян, в которой боец — полноправный гражданин социалистического отечества.

Отдельным массовым изданием выпущены Партиздатом ряд глав «Краткого курса истории СССР», вышедшего под редакцией проф. А. В. Шестакова. Главы эти, относящиеся к истории и победе в СССР Великой Октябрьской социалистической революции, выпущены под заглавием **«Как рабочие и крестьяне завоевали власть и построили социалистическое общество»**.

Массовым тиражом выпущены также Партиздатом книга **В. Карпинского «Жизнь рабочих и крестьян раньше и теперь, у нас и за границей»** и брошюра **Г. И. Петровского «Как жил и живет украинский народ»**.

Книга В. Карпинского иллюстрирована снимками с картин выдающихся художников.

СТАРОРУССКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ) ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Дал согласие баллотироваться писатель

Алексей Николаевич Толстой

Писатель Алексей Николаевич Толстой дал согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза по Старорусскому избирательному округу. В своей телеграмме, адресованной Старорусской окружной избирательной комиссии, Алексей Толстой пишет:

«Горячо благодарю за высокую честь дорогих товарищей рабочих, служащих, железнодорожников, колхозников и колхозниц Старорусского избирательного округа, оказавших мне высшее доверие, выдвинув мою кандидатуру в депутаты Совета Союза. Даю свое согласие на баллотировку в депутаты Совета Союза по Старорусскому избирательному округу, о чем прошу довести до сведения всех избирателей округа.

Родился 11 января 1883 года в городе Николаевске Самарской губернии, постоянная профессия — литератор с 1907 года, высшее техническое образование, член президиума союза писателей СССР, член Ленсовета, член президиума Международного конгресса защиты культуры и борьбы с фашизмом.

С горячим приветом

Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ».

НА ЗАСЕДАНИИ ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

12 ноября, в торжественной обстановке, в присутствии представителей общественных организаций рабочих, колхозников, красноармейских частей состоялось заседание Старорусской окружной избирательной комиссии. Первым на заседании выступил 77-летний рабочий клеевар стахановец **т. Куприянов.**

— Товарищи члены окружной избирательной комиссии, — сказал он, — 26 октября предвыборное общезаводское собрание Фанерного комбината № 4 выдвинуло кандидатуру в Совет Союза выдающегося представителя советской интеллигенции, преданного сына социалистической родины, писателя Алексея Толстого.

11 ноября мы получили согласие товарища Толстого баллотироваться в Совет Союза по нашему Старорусскому избирательному округу.

Мы гордимся своим кандидатом и отдадим ему свои голоса. Я вручаю вам, члены избирательной комиссии, протокол общего собрания рабочих нашего завода и прошу на основании «Положения о выборах в Верховный Совет» зарегистрировать для баллотировки в Совет Союза по Старорусскому избирательному округу кандидатуру Алексея Николаевича Толстого.

На заседании выступили также представительница рабочих и служащих Лычковского льнозавода т. **Семенова**, уполномоченные колхозников колхозов «Пионер» и «Пятнадцатая годовщина Октября» — тт. Евгениев и Герасимов, представители от общих собраний колхозников и колхозниц «Ленинские дни» — т. Михайлов, колхоза «Атеист» — т. Карпов и др.

Все они просят окружную комиссию зарегистрировать кандидатуру Алексея Толстого для баллотировки в Совет Союза.

Зачитываются представленные делегатами протоколы общих собраний заводов и колхозов, выдвинувших кандидатуру Толстого, и телеграмма Алексея Николаевича о согласии баллотироваться по Старорусскому округу.

Председатель окружной комиссии товарищ Малый вносит предложение кандидатуру Толстого для баллотировки в Совет Союза зарегистрировать. Это предложение единодушно принимается.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОКРУЖНОЙ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

Окружная избирательная комиссия Старорусского избирательного округа № 45, рассмотрев представленные общественными организациями документы о выдвижении кандидатур в депутаты Совета Союза рабочими, колхозниками и служащими Старорусского избирательного округа, постановляет:

На основании статьи 60 «Положения о выборах в Верховный Совет» зарегистрировать для баллотировки в Совет Союза Верховного Совета СССР по Старорусскому избирательному округу № 45 выставленную общими собраниями рабочих и служащих Старорусского фанерного комбината № 4, 13 дистанции службы пути станции Валдай Калининской железной дороги, колхоза «Ленинские дни» Валдайского района, колхозов «Пионер», «Пятнадцатая годовщина Октября» Демянского района, коллектива начальной школы Демянского района, Лычковского льнозавода, колхоза «Атеист» Старорусского района — кандидатуру Алексея Николаевича Толстого, рождения 1883 года, литератора с 1907 года, члена Ленсовета, члена президиума Союза советских писателей, члена президиума Международного конгресса защиты культуры и борьбы против фашизма, беспартийного, проживающего в городе Пушкине Ленинградской области.

На основании статьи 66 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» включить кандидатуру Алексея Николаевича Толстого в избирательный бюллетень по Старорусскому избирательному округу № 45.

Председатель комиссии МАЛЫЙ, заместитель председателя АЛЕКСЕЕВ, секретарь ТАРАТУХИН. Члены комиссии: ИВАНОВ, ХИШОВ, ФЕДОТОВА, ПАВЛУШОВ, КУЗЬМИН, ПАВЛОВ-ГРИГОРЬЕВ, НИКИФОРОВ.

СТАРАЯ РУССА. **(По телеграфу от нашего спецкора)**

В Старой Руссе

От нашего специального корреспондента

В избирательный бюллетень по Старорусскому избирательному округу занесено имя Алексея Толстого.

Перед общественными организациями трудящихся, выдвинувшими кандидатуру А. Н. Толстого, стоит ответственная задача: повести широкую агитацию за своего кандидата. Здесь большую помощь должны оказать Ленинградский союз писателей, издательства, художественные организации.

Пропагандисты указывают, что до сих пор почти нет литературы, рассказывающей массам избирателей о жизни и творчестве А. Н. Толстого. Нет в Старой Руссе и хороших портретов писателя. Лишний раз проявилась неповоротливость Союзфото, все еще не удосужившегося снабдить округ фотопортретами кандидата в депутаты Верховного Совета.

Хорошо было бы, чтобы Литературный музей Академии наук спешно приготовил для районов избирательного округа фотовыставку и многотиражку об А. Н. Толстом.

Союзу писателей следует обеспечить биографическо-критическими статьями районные газеты, направить в районы округа докладчиков.

Приехавшая в Старую Руссу на несколько дней бригада Ленсоюза писателей, в составе докладчика т. Дымшица и артистки Волотовой, выступала по три раза в день.

Надо заметить, что некоторые работники в Старой Руссе не понимают всего значения агитации в избирательной кампании.

По вине завклубом Фанерного комбината т. Гуткина почти что сорван был литературный вечер; завклубом анонсировал его как рядовой концерт. Увидев, что вместо конферансье на афише стоит докладчик, он перенес вечер из заводского клуба в помещение школы, не оповестив об этом рабочих достаточно широко. В школьном зале не было никаких выборных лозунгов.

Б. РЕСТ

СТАРАЯ РУССА, Ленинградской области, 14 ноября. **(По телеграфу).**

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ (КИЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ) ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Дал согласие баллотироваться писатель

Александр Евдокимович Корнейчук

А. Корнейчук отправил Звенигородской окружной избирательной комиссии телеграмму, в которой «с большим волнением и благодарностью» дает согласие баллотироваться по Звенигородскому округу и благодарит за высокую честь и доверие.

«Все свои силы, — заявляет Корнейчук, — как гражданин нашей прекрасной родины, весь свой талант писателя отдам великому делу социализма».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОКРУЖНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА О РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ЕВДОКИМОВИЧА КОРНЕЙЧУКА

Состоялось заседание Звенигородской окружной избирательной комиссии, единогласно вынесшей следующее постановление.

В связи с получением согласия т. Корнейчука А. Е. баллотироваться по Звенигородскому избирательному округу в депутаты Совета Союза и на основании наличных документов, согласно ст. 61 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», а именно — 90 протоколов общественных организаций и собраний колхозов, совхозов и предприятий о выдвижении Корнейчука А. Е. кандидатом в депутаты Совета Союза, окружная избирательная комиссия Звенигородского избирательного округа по выборам в Совет Союза постановляет: зарегистрировать кандидатуру по Звенигородскому избирательному округу для баллотирования в депутаты Совета Союза тов. Корнейчука Александра Евдокимовича, писателя, члена ЛКСМУ.

Председатель комиссии ЛУЦЮК, заместитель председателя ВОЗНИЦКИЙ, секретарь ГАЗИНСКИЙ, члены комиссии: КРАВЧЕНКО, ГРУША, ПИЦЬКО, ПОНОМАРЕВ, ПОЛИЩУК, ЦАБРИЙ, СНИГУР и ВАСИЛЬЧЕНКОВ.

✱

Сегодня А. Корнейчук выехал в Звенигородский район, где выступит перед избирателями с творческим отчетом о своей работе.

КИЕВ. 13 ноября. **(По телефону от нашего корр.).**

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

Русская женщина— Прасковья Пичугина

Она похожа на молодого инженера из тех, кто уже руководит у нас цехами, но еще сравнительно недавно ушли из вуза.

У нее гладкие белокурые волосы, спокойное лицо.

Она умело одета, так, как одевается культурный человек на любимую работу.

По внешности Пичугина советский городской человек. Дома она занимается математикой, она принята в Промакадемию.

Это советский городской человек с большого завода, очень дорожащий временем, очень точно говорящий.

Прасковья Пичугина начала рассказывать свою жизнь.

В Рязанской губернии, на Оке, стояло большое село.

Жили в этом селе крестьяне, и пахали землю. И жить с этой земли они не могли.

Земли было мало. Люди уходили в город, а в городе было мало работы.

Отец Пичугиной работал на Васильевском острове младшим дворником.

Дома в Петербурге высокие, с узкими черными лестницами.

На этих лестницах ступеньки забежные, т. е. идут они неровно, а на поворотах забегают одна за другую, как на винтовой лестнице.

Младший дворник подымал по такой лестнице вязанки дров. В вязанке было от одной десятой до одной восьмой погонной сажени дров. Прихваченные веревкой, верхние поленицы возвышались над его головой.

Дрова обычно были сырые, потому что приходили они в Петербург на баржах. Вот эту тяжесть и нес на себе дворник по темной лестнице с узкими ступенями.

Выдерживали в Петербурге такую работу люди по нескольку лет. Потом они срывали себе сердце, и уходили в деревню.

Из деревни приезжал новый человек, а бывший младший дворник старался в это время в деревне как-то прожить около той земли, которая прокормить не могла.

Жили дворники в подвальных помещениях.

Прасковья Пичугина играла на узком дворе.

Дворы были такие узкие, что из них и днем можно было увидать звезду, как со дна колодца.

Когда девочка выходила на двор, то мать ей говорила:

— Тише, а не то домовладелец услышит.

Началась война. Отец Пичугиной был запасным.

На войну тогда собирала людей полиция, и шли защитники отечества бедно одетой толпой, а впереди них шел городовой с книжкой.

Мать Пичугиной была неграмотной. Домовладелец ее быстро выселил из подвала. Поехала она домой. А дома у нее не было. И начала она жить в избе деда.

Жила Пичугина у деда и бабки в доме. Лошади у них не было и коровы не было.

Пасла Прасковья телку. Надеялись в доме, что вырастет телка и станет жить легче. Только на это и была надежда.

Когда Прасковья подросла, то стала она работать еще тяжелее. О тяжести работы русской женщины рассказывает в поэме «Кому на Руси жить хорошо» крестьянка Матрена Тимофеевна.

Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин в бороне.

Ротой, в которой служил отец Прасковьи, командовал немецкий офицер. Он завел свою роту в плен.

Надели на прасковьиного отца куртку с желтыми вшивками на рукавах, штаны с желтыми лампасами, ботинки на деревянной подошве, и начал он работать на немцев и кормили его хлебом с крапивой.

Росла его дочка в дедовой избе.

Прасковья Никитична Пичугина, зарегистрирована кандидатом в депутаты Совета Союза окружной избирательной комиссией Пролетарского избирательного округа (г. Москва)

■ ■ ■

Дед бедный, отцу даже сухарей послать нельзя.

Как только подросла немножко девочка, оделась она получше, и пошла на поденку к железной дороге.

Шло на работу народу много, а работы было мало. И люди друг друга боялись, что отобьет сосед от соседа гривенники.

Когда произошла революция, вернулся из плена отец, измученный и усталый человек. Поселился он в брошенной избе.

От искры из паровозов загорелась деревня. Сгорело двести дворов. Сгорели мать Прасковьи и отец.

Осталась она одна на погорелом месте. Посватался за ней парень той же деревни, вернувшийся из учения. Учился он в Петербурге у маляра в тогдашнем тяжелом учении.

Вернулся парень ненадолго, страна воевала, и после свадьбы ушел муж на войну.

Попала Прасковья в дом к свекру.

Свекор раньше служил в Питере младшим дворником. Сорвал себе сердце, научился пить, озлобился и вымещивал злобу на снохах.

У Прасковьи были дети.

Уйти из дому от детей нельзя.

Свекор злой, пьяный. Если дети больны, так он им кашлять запрещал.

От мужа остались в доме валенки.

Бабы ходят зимой босиком, но свекор говорит, что валенки мужские, и бабы на эти валенки смели только смотреть.

У Некрасова в поэме много рассказано про женщину в чужом доме.

В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал;
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой;
Любить, голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.

О такой жизни есть много печальных бабьих песен. Бабы, которые сложили эти песни, талантливые люди.

Только талант в народе значило счастье. У баб талант был, а вот счастья не было.

*

Прасковья Никитична Пичугина жила в советской деревне.

Многое изменилось в жизни. Вокруг деревни уже не было помещиков.

Земли стало больше, и в деревне был сельсовет.

Бабы выбрали Прасковью в сельсовет делегаткой, как хорошего человека, как большого работника.

Муж работал в Москве по окраске котлов. С товарищами сделали себе помещение на Шаболовке, вызвал жену.

Уехала жена от пьяного свекра, привезла с собой двух детей и опыт сельсовета.

Год готовила она на всех пищу, обстирывала всех, а через год узнала, что строят на пустом месте большой завод «Шарикоподшипник».

Строила завод вся страна. Приходилось доски таскать, землю таскать. Работа была трудная, и самая черная. Как от этой работы перейти к подшипникам, чистым, блестящим, точным, — было непонятно. Послали Пичугину на завод на практику. Там уже делали подшипники. Она мыла подшипники, приносила материал мастеру.

Мастер был немой, об'яснялся с ней записочками.

Пичугина была женщина талантливая. Она сама соображала, как устроить так, чтобы работа шла легче; как класть инструмент, как подносить материал.

Оказалось, что у мастера сразу повысилась выработка.

Тогда он стал писать записки длиннее, об'яснять работу. Проработала Пичугина несколько месяцев на заводе, дали ей отпуск. В отпуск она пошла нерешительно.

Казалось непонятным, как это можно сидеть две недели без работы.

Вернулась из отпуска на «Шарикоподшипник».

Пичугина попала в цех, в который пробрался враг.

Здесь мастером оказался человек, который скрывал, что он лишенец. Завод он ненавидел. Женщин, которые работали, он презирал и хотел передать им свою ненависть к советской власти.

Принесут из столярного цеха доски, посмотрит мастер, говорит: «Доски негодные». Несут женщины доски обратно в цех. Он отправляет доски из своего цеха через весь завод обратно к столярам на второй этаж.

И так шли женщины целый день кругом.

Когда были свободные минуты, то мастер заставлял женщин мыть полы.

У Пичугиной был опыт работы в сельсовете и с мастером она начала бороться. Она разыскала на большом заводе людей, к которым надо было обратиться, выступала на собрании, и разоблачила мастера.

Вокруг себя она сплотила женщин.

Вместе с овладением техникой овладевала Пичугина умением управлять советским государством.

Сделалась она депутаткой, потом председательницей депутатской группы.

Ее муж уже был в партии давно. Пошла в партию Пичугина. Училась и выросла в женщину, о которой сейчас знает вся страна.

Так выросла женщина, судьба которой началась так, как судьба Матрены Тимофеевны, из поэмы Некрасова.

Прежде могла ответить женщина страннику...

...вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!

Пичугина сама построила вместе со своей страной и свой завод и свое счастье.

Судьба Пичугиной типична. Пичугина — герой нашего времени.

Изменилась судьба русской женщины — советская женщина, избранная в Верховный Совет, будет изменять судьбу мира.

Предвыборное собрание писателей

С огромным воодушевлением прошло предвыборное собрание писателей Москвы, состоявшееся 13 ноября в Доме советского писателя.

Собрание открыл **Вс. Вишневский.**

— Волнует и трогает, — говорил он, — интимная сторона выборной кампании, любовное отношение к ней трудящихся масс.

Избирательная кампания сейчас уже на полном ходу. Организованы дежурства в избирательных участках, актив избирательных участков энергично развернул работу, пошел в дома и на квартиры, проявляя подлинную заботу и внимательный подход к каждому избирателю. Активисты не забывают поинтересоваться, нет ли в семье больных и как обеспечить им выполнение гражданского долга, напомнить уезжающим о необходимости запастись удостоверением на право голосования.

Эти встречи с массовым избирателем представляют исключительный интерес для писателя. Писатели должны с головой окунуться в избирательную кампанию, чтобы ярче почувствовать, как бьется пульс народной жизни, и вместе с тем вести раз'яснительную работу, помогая народу понять величайший политический смысл избирательной кампании.

Призывая голосовать за давших согласие баллотироваться по Краснопресненскому району Москвы тт. Хрущева и Булганина, Вс. Вишневский заявляет:

— Нет сомнения, что писательская организация поможет превратить день 12 декабря в день блистательной победы.

В. И. Лебедев-Кумач, участвовавший в делегации союза писателей на Краснопресненском окружном избирательном собрании, говорит о вынесенном им с собрания ощущении большого праздника, подлинного всенародного торжества.

— Чувствуешь после этого, — говорит тов. Лебедев-Кумач, — точно крылья выросли за спиной.

В заключение поэт читает стихотворение, написанное им под непосредственным впечатлением Краснопресненского окружного избирательного собрания.

В этом стихотворении юноша отчитывается перед своими товарищами в том, как он выступал с трибуны избирательного собрания:

Мы, говорю, еще птенцы,
Но радость в жизни видели.
Спасибо вам, говорю, отцы,
За то, что нам крылья дали,
Не долог еще, говорю, наш век
И коротка наша повесть,
Но есть на земле один человек,
Он — путь наш, и разум, и совесть.
Когда нам жизнь задачи дает
И шлет нам нелегкую думу,
Всегда невольно вопрос встает:
А как бы тут он придумал,
Когда мы решаем «против» и «за»,
Стараемся мы представить
Его улыбку, его глаза,
И он не дает нам слукавить!
Великие мысли его и дела
Мы в книгах и жизни читали,
В нем правда народа живет и жила,
Зовут его Сталин.

Н. Ляшко оглашает обращение Краснопресненского избирательного округа к тов. Н. С. Хрущеву.

Обсуждение этого обращения открывается речью **В. Кирпотина.** Он говорит о великих победах социализма в нашей стране. И нашей счастливой жизнью мы обязаны партии и советской власти.

Ярчайшим примером того, что дала советская власть стране, является реконструкция Москвы. Москва ситцевая превратилась сейчас в один из крупнейших в стране центров тяжелой и легкой промышленности. Громадный под'ем ощущается во всех областях жизни и творческого труда. Преобразование Москвы — дело рук Московской партийной организации, руководимой Н. С. Хрущевым.

И сейчас, когда Москва выбирает своих лучших людей в верховный орган власти в стране, мы горды тем, что ее Сталинский район будет выбирать в Верховный Совет товарища Сталина. Сталинский район выполняет эту почетную задачу не только за себя, но и за Москву и за всю страну. За трудящихся всего мира, голос которых будет выражен Сталинским избирательным округом Москвы.

В. Шкловский приводит исторический эпизод из смутного времени, когда Москва дала героический отпор подлейшей польско-германской интервенции. Враги за 325 лет, протекшие со времени этого периода, — говорит В. Шкловский, — не стали мягкосердечнее, скорее наоборот. И он призывает крепить единство народа, это важнейшее условие в бою, призывает учиться ненавидеть врагов и носить оружие.

А. Барто посвящает свою речь людям изумительной биографии, с которыми ее столкнула избирательная кампания, и призывает писателей принять в ней самое активное участие.

Д. Бергельсон говорит о чувстве единства, воспитанном партией, и призывает крепить это единство перед лицом мирового фашизма.

Затем выступили тт. **Чернявский, Вакс, Саконская** и **Охрименко.** Диссонансом прозвучало выступление Охрименко с саморекламно- и политически нечеткой речью.

Собрание единогласно присоединилось к обращению Краснопресненского избирательного округа к Н. С. Хрущеву и постановило обратиться к нему со специальным заявлением от имени писателей. Бурную, долго несмолкавшую, овацию в честь великого вождя народов СССР товарища Сталина и его соратников — руководителей партии и правительства—вызвало решение собрания обратиться с приветствием к первым кандидатам народа — товарищам Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Андрееву, Микояну, Косиору, Чубарю, Жданову и Ежову.

При голосовании делегатов на районное предвыборное собрание ряд названных кандидатов отвел себя, выставив довольно странный мотив, — занятость!

К числу «чересчур занятых» писателей, самоотвод которых был уважен собранием, относится и Ф. Панферов. Правда, к «мотивам занятости», выставленным Ф. Панферовым, собрание кое-что добавило.

Тов. Аплетин, отводя кандидатуру Ф. Панферова, заявил:

— После того, что «Правда» писала об отношении Панферова к избирательному закону, о котором он в редактируемом им журнале «Октябрь» за 1937 год не поместил ни одной строки, невозможно выдвигать его кандидатуру в районное собрание.

Представителями на предстоящее избирательное собрание Краснопресненского района утверждены: тт. **Бор. Левин, Вас. Хмара, Н. Ляшко, П. Замойский, В. Шкловский, В. Кирпотин, С. Обрадович** и **Н. Касаткин.**

ОБИДА

Собранье открылось ровно в семь
И через десять минут прервалось...
В украшенном зале седая совсем
Старушка сердитая показалась.
Коротенькой палкой своей стуча,
Мимо соседей, застывших в молчаньи,
Шла, как чужая, она, ворча,
Прямо к президиуму собранья...
Еле добралась. Платок развязала
И, оперпшись руками о стол,
Горько вздохнула и тихо сказала:
— Это, товарищи, произвол!
Или я вам не соседка по дому?
Иль это тонкое дело врагов?
Иль вам житье да бытье незнакомо
Старой поденщицы из Подвесков?

Стыдно, родимые! Как могли вы
Эту безладицу допустить,
Чтобы на вечер такой счастливый
Бабку Варвару не пригласить.
Нет, незаконное это дело!
Партия этому ль учит нас!
Пока я навеки не онемела,
Пока не закрыла я старых глаз,
Я буду твердить про того, кто чутко
Входит в каждое наше жилье,
С чьим именем ни на одну минутку
Не разлучается сердце мое.
Вот и сейчас, на таком собраньи,
Я и хотела о нем сказать —
Кому ж не по сердцу мое желанье?
Как же забыли меня позвать?

Дрогнули губы в большой обиде.
И торопливо очки сняла,
И каждый внезапно себя увидел
В маленькой, согнутой у стола!
И люди, как сговорившись, встали,
И каждый подумал — моя вина!
И кто-то воскликнул: Да здравствует
Сталин
И наша бабушка Лукина!..
Долго ли старенькой растеряться?
В шубку закуталась... веки трет.
И, улыбаясь, никак не поймет:
Пришла незваной, корить и ругаться,
И вдруг ей оказан такой почет!

АЛ. ГОЛЬДБЕРГ.

■ ■ ■

На заседании окружной избирательной комиссии Московского избирательного округа (Ленинград) по выборам в Верховный Совет СССР отчитывался о своей работе в избирательных участках член окружной избирательной комиссии писатель А. Н. Толстой. На снимке: **А. Н. Толстой отчитывается в своей работе.** Справа — член комиссии В. А. Зубова. (Союзфото)

Негостеприимные руководители

В помещении союза советских писателей, на улице Воровского, 52, работает 12-я участковая избирательная комиссия Краснопресненского округа по выборам в Совет Союза.

ССП предоставил для работы комиссии конференц-зал.

Специально оборудуется и кинозал ССП, где будут установлены кабины для голосования 12 декабря.

Однако нельзя сказать, что союз писателей проявляет чрезмерное гостеприимство по отношению к участковой избирательной комиссии.

По словам секретаря комиссии т. Таныгина, администрация ССП, предоставляя конференц-зал в распоряжение комиссии, обещала снабдить его всем необходимым для работы.

Однако до сих пор администрация не нашла возможным предоставить комиссии стол, шкаф для дел. В комнате комиссии нет телефона.

Списки избирателей 12-го участка уже опубликованы, и с завтрашнего дня избиратели начнут приходить в эту огромную холодную и неуютную комнату.

Окружной избирательной комиссии Краснопресненского избирательного округа следует обратить на это внимание.

ЭЛЬ-РЕГИСТАН

Человек, спасший 39 жизней

Это произошло в февральский вечер 1935 года в Москве, на Неопалимовском переулке, в квартире Василия Сергеевича Молокова. Я приехал сюда на ночевку с тем, чтобы на рассвете отправиться с героем-пилотом в далекий перелет из Москвы на остров Диксон и обратно. То был первый в истории мировой авиации зимний перелет на Арктику, и советское правительство поручило его совершить широкоплечему, мужественному человеку со спокойными серыми глазами, тому, кто во время челюскинской эпопеи получил в прессе Европы и Америки прозвище: «Человек, спасший 39 жизней».

Мы мирно пили чай с баранками, слушая рассказы закадычного друга Молокова — бортмеханика Григория Трофимовича Побежимова. Резкий звонок в передней прервал нашу беседу. Василий Сергеевич поднялся с трубкой в зубах, не прошло и минуты, в комнату вплыла в больших валенках деревенской валки маленькая, худощавая старушка. Она хлопотливо выложила из корзинки сельские гостинцы — кусок янтарного сливочного масла, яйца, свиное сало и баночку варенья из черной смородины.

— Зачем ты все это навезла, мать? — бурчал Молоков, пыхтя трубкой. — Ведь я завтра улетаю и...

— Знаю, знаю, что улетаешь, — перебила Анна Степановна. — Затем я и приехала. По поводу этого перелета...

— По поводу перелета? — в удивлении вынул трубку изо рта Молоков.

— Да, Васенька, по поводу — вздохнула старушка и, поставив корзину в угол, присела на диван.

Через несколько минут выяснилась причина неожиданного приезда Анны Степановны Молоковой к сыну. На родине пилота, в московском селе, носящем его имя, есть колхоз, в котором давно состоит старуха Молокова и многие друзья детства героя. Узнав из газет о новом перелете своего знаменитого земляка, колхозники решили угостить чайком на дорогу друга-приятеля. И для приглашения пилота в деревню командировали в Москву его мать.

Приехав на вокзал, Анна Степановна купила свежую газету и из нее узнала, что до начала перелета остались считаные часы. Тогда ее осенила блестящая идея, которая должна была спасти от провала поручение колхозного общества. Эту идею и выкладывала сыну ласковым говором Анна Степановна, сидя на диване. Она предлагала Василию Сергеевичу, вылетев из Москвы, отклониться от курса на Казань и повернуть на село Молоково. Старушка просила и требовала совершить здесь на полчасика посадку, попить чаю, уверяя, что самовар в ее доме будет клокотать паром в тот момент, когда лыжи самолета прикоснутся к снегу.

Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков, зарегистрирован кандидатом в депутаты Совета Союза окружной избирательной комиссией Ухтомского избирательного округа (Московская область)

■ ■ ■

— А что бензину сожжешь лишку, небось, советская власть за это с нас не взыщет, — добавила неуверенно старушка.

Василий Сергеевич с улыбкой слушал горячую торопливую речь матери. Она крепко держалась за пуговицу на куртке сына, не давая ему возражать.

— Ну, пойми, мать, где же я там сяду? Ведь для самолета аэродром нужен. Должна ты с этим считаться? — взмолился Молоков, исчерпав все доводы.

— «Аэродром — аэродром» — волновалась старуха. — За нашим домом, у перелеска, ты же знаешь, есть большое колхозное поле без межей, там и сядешь. А мы тебе даже дыму можем напустить для определения ветра.

Василий Сергеевич об'яснял, что на такое запорошенное снегом поле садиться опасно, можно разбить машину при посадке.

— Еслиб аэродром был, тогда другое дело, — мотивировал Молоков свой категорический отказ.

— Как челюскинцев спасать, так садился без аэродрома, а для родной матери сесть не хочешь.

В дело вмешался Побежимов и вскоре удалось выработать компромиссное соглашение. Василий Сергеевич согласился свернуть с прямого курса на восток, пролететь над родным селом и, сделав три прощальных круга над домом матери, сбросить вымпел друзьям-колхозникам. Мать, особо оговорив, чтобы круги были низкие, предостерегла однако:

— Смотри только не задень за крышу, Васенька. Долго ли до греха...

— Ладно, уж не задену как-нибудь — хмуро отозвался знаменитый пилот.

Исполнив свое обещание, Василий Сергеевич на рассвете залетел в родное село. Прильнув к целлулоидному окошку кабины, я наблюдал, как оно ожило мгновенно. И когда, сбросив высоту, самолет плавно замыкал круг, приветственно трепеща крыльями над новеньким домом колхозницы, матери героя Советского Союза, на железную крышу выскочили два парня и растянули полотнище с надписью: «Счастливого возвращения, Василий Сергеевич. Будьте благонадежны на счет плана посевной...»

Молоков, спрятав улыбку в меховой воротник авиационного комбинезона, круто потянул на себя руль высоты.

★

Коварная пурга подстерегла нас в полярных широтах в двух часах от цели нашего перелета — острова Диксона в глухой тундре сурового Таймыра. Ветер с воем кружился вокруг самолета, рвал крылья, злобно визжа на тросах. Острые, мерзлые снежинки метались в воздухе в безумном хороводе, обжигая лицо, как брызги кипятка. Видимость исчезла окончательно, запасы бензина иссякали, и верный себе Молоков, хладнокровно развернув машину, стал пробиваться назад, чтобы разыскать в снежном бедламе среди необ'ятных просторов Таймыра две занесенные сугробами избенки зимовки Гольчиха. Как на зло оборвалась радиосвязь. Ориентируясь каким-то сверхестественным чутьем, пилот лег на курс и, с математической точностью выведя машину прямо на крохотное, бревенчатое жилище двух метеорологов Гальчихи, при десятибалльном шторме так мастерски приземлил самолет на естественной площадке, что я и не почувствовал, что мы сели.

Невиданный даже в этих широтах шторм бушевал много суток подряд. И в эти томительные дни, проведенные нами в стенах полярной зимовки, в быту, в разговорах передо мной все яснее вырисовывался благородный облик Василия Сергеевича Молокова, Героя Советского Союза, будущего кандидата ухтомских рабочих и колхозников в депутаты Верховного Совета.

Честный и прямой, он в беседах по любому вопросу высказывал то, что думал, называя вещи своими именами. Его понятия о чести свидетельствовали о высокой нравственности этого сильного и мужественного человека. Он, например, считал бесчестным не выполнить слова, данного чукчам в Уэллене, и, не колеблясь ни минуты, поставил свою жизнь на карту, совершив последний рейс на льдину, чтобы вывезти собак из опустевшего лагеря Шмидта.

— Чукчу, — об'яснял он мне, — чукчу, понимаешь, кормит собака. Без собаки чукча умрет с голоду.

Когда сформировалось звено самолетов, отправлявшихся на помощь челюскинцам из Владивостока, Молокову, как наиболее опытному летчику и знатоку полярных условий, предложили стать командиром звена. Он был самым старшим и по возрасту и по летному стажу в личном составе звена из молодежи и имел все права быть начальником летной спасательной группы. Но он был гражданским пилотом, а все остальные—военными, и по присущей скромности считал неудобным командовать таким звеном. Ничуть не стесняясь, Молоков признавался мне:

— Я учился давно и учился «на медные деньги», на залатанных старых самолетах. А они, понимаешь — нет, выросли на современной технике Красной Армии и знают больше меня. Какой же я был бы для них начальник?

Войдя в звено Каманина рядовым пилотом, он не освободил себя от ответственности за работу машин и людей в полярных условиях. Плывя на пароходе к месту выгрузки самолетов, Молоков в дружеских беседах поучал молодежь, как надо летать на Арктике, стараясь это делать так, чтобы никого не обидеть, не задеть ничьего самолюбия.

Один из летчиков звена с запальчивостью юности воскликнул во время одной такой товарищеской лекции:

— Ну, чего там говорить. Мы на Арктике будем летать, как семечки лущить!

Молоков смолчал.

Впоследствии, когда звено совершало свой легендарный рейс к льдине, пробираясь сквозь туманы, пургу и метели, когда моторы застывали на снегу, и кожа лохмотьями слезала с рук от прикосновения к металлическим частям машины, Молоков на одной из посадок, помогая молодому пилоту запустить мотор, спросил его:

— Ну, как парень, семечки-то лущить, оказывается, тоже не так просто?

Заметив краску стыда на щеках молодого пилота, Молоков произнес, улыбаясь своей добродушной, открытой улыбкой:

— Это что... ты еще справляешься. А я вот когда первый раз попал в такие места, совсем был как малое дите...

Звено самолета Каманина почти достигло уже лагеря Шмидта, когда произошел еще один случай, не освещенный в печати. Этот случай — яркий штрих, характеризующий исключительное благородство Василия Сергеевича Молокова,—имел место при следующих обстоятельствах. У Каманина что-то случилось, он пошел на вынужденную посадку. Молоков, увидев это, сделал круг над естественной ледовой площадкой. Первой его мыслью было, что находящийся внизу самолет поврежден. Самолет этот принадлежал командиру, и Молоков, знавший отлично законы военной дисциплины, понимал, что в случае, если и он сядет, быть может, ему придется остаться здесь на льду, отдав свою машину командиру звена для полета к лагерю Шмидта.

Пройти такой путь по воздуху над неизведанными арктическими просторами, под пристальным взглядом сотен миллионов людей с обоих полушарий, провести машину сквозь туманы и леденящие кровь морозы, сберечь материальную часть, дрожать над каждой каплей бензина и, почти достигнув цели, остаться где-то в пути, отдав свою машину другому — кому это не покажется обидным?!

По условиям перелета Молоков имел право продолжать путь, не задерживаясь ни на мгновение на месте вынужденной посадки товарища. Но...

— Я сделал круг над ним,—рассказывал мне Василий Сергеевич,—и думал: садиться мне или не садиться? Страшно, понимаешь — нет, садиться. Как ни говори — жалко отдавать свою машину другому. Не сесть, думаю, может, улететь?.. Делаю второй круг, не могу сесть. И сесть не могу и улететь не могу — ну что ты скажешь! Разворачиваюсь в третий раз. Сел...

Глубокая порядочность является одной из характерных черт Василия Сергеевича Молокова, мужественного пилота с открытым сердцем и ясным взглядом спокойных серых глаз. Скромный советский человек, он с одинаковым хладнокровием сажал тяжелую машину и в лагере Шмидта в 1934 году и на сугробах Гольчихи в 1935 году, и на Москва-реке, после грандиозного перелета по Великому северо-морскому пути в 1936 году, и на Северном полюсе во время нашумевшей на весь мир экспедиции 1937 года. Он снял на-днях колесо со своего самолета в Амдерме и по-товарищески послал его Михаилу Водопьянову с тем, чтобы поскорее вызволить дружка из беды.

В зените своей славы этот знаменитый на весь мир пилот ни в чем не изменил ни своих привычек, ни характера. Он был и остался скромным и простым человеком, честным тружеником, настоящим гражданином великой Советской страны, большевиком, беззаветно преданным своей партии и родине, достойным представительствовать от народа в Верховном Совете СССР.

Заметки на полях

О предисловиях и послесловиях вообще и о двух романах в частности

Безусловно, предисловия или послесловия к выпускаемым на русском языке иностранным художественным произведениям — вещь нужная и полезная. Если даже произведение говорит само за себя и автор хорошо известен, читатель рад будет найти в книге обстоятельную статью, внятно и убедительно раз'ясняющую ему идею произведения, его художественное значение, его место в литературе и в творчестве этого писателя. Тем более такие статьи желательны, если автор мало известен советскому читателю.

Все это бесспорно, и навряд ли стоило бы останавливаться на этом вопросе, если бы наши издательства подходили к предисловиям и послесловиям с точки зрения читательских интересов. К сожалению, нередко предисловия и послесловия пишутся не столько для читателя, сколько для издательства.

Однако, чтобы не быть голословными, остановимся на конкретных примерах.

Недавно у нас вышел роман французского писателя Клода Авелина «Заключенный» [1]). Издательство снабдило его предисловием автора к русскому изданию и речью Клода Авелина, произнесенной 23 февраля 1936 года на митинге в Ла-Рошель, организованном местным комитетом молодежи — борцов против войны и фашизма. И то и другое безусловно интересно. Но все же мы возьмем на себя смелость утверждать, что издательство и здесь подошло к вопросу формально: ему важно было показать, что роман написан близким нам писателем, интересы же читателя оно обошло, не попытавшись дать ответы на вопросы, которые несомненно возникнут у него.

«Я никогда не писал романов с целью что-нибудь доказать, — пишет в своем предисловии Клод Авелин. — На мой взгляд, основой художественного вымысла всегда должен быть драматический сюжет, достаточно занимательный, чтобы оправдать именно этот сюжет, а не другой. Выбор этот, надо сказать, не всегда зависит от доброй воли». Клод Авелин рассказывает, как возник у него сюжет этого романа — он родился от случайного взгляда, брошенного автором из окна провинциальной гостиницы на человека, возвращавшегося в свой дом с садом, расположенный против гостиницы. Автор внезапно почувствовал, что в него «словно вселилось какое-то неведомое существо, которое подкарауливает этого человека, чтобы его убить», и «ощущение одержимости» владело им, пока он не написал роман.

Стоит ли доказывать, что процесс творчества, основанный на подобном «наитии», вызовет недоумение у советского читателя, привыкшего думать, что писателем в первую очередь руководит идея, которую он решает облечь в форму художественного произведения, что своих героев он ищет и находит в реальной обстановке жизни, что он управляет описываемыми им людьми и событиями, подчиняя их своей творческой задаче. Недоумение его не исчезнет, когда он узнает из того же предисловия, что по мнению автора «честный и искренний романист, т. е. такой, который находится во власти реальности и всего, что реально, должен только показать, чтобы доказать»; оно не рассеется и после прочтения романа, в котором он найдет страницы, проникнутые подлинным реализмом.

В своем романе Клод Авелин рассказывает биографию того самого неведомого существа, которое вселилось в него, замышляя убить человека, которого он, Авелин, увидел из окна гостиницы. Этот «будущий убийца» родился в честной пролетарской семье, но его определили в школу, где он учился с детьми богатых родителей. И тогда у него созрело желание «завоевать себе место в этом обществе и быть в него допущенным». Он безропотно терпит издевательства и насмешки на своем жизненном пути, убивает в себе человеческую гордость, становится преданным слугою своих хозяев и добивается «положения». И он может даже взять отпуск и поехать в фешенебельный курорт Виши. Но здесь героя романа подкарауливает рок: он встречается с неким Дюнбером и его дочерью Полой, он влюбляется в эту девушку из «высшего света» и в мыслях свивает уже то уютное гнездышко, в котором он будет жить, женившись на ней. Будущий тесть понемногу втягивает его в свои дела, заставляет его совершить один подлог, затем другой, а когда он приносит ему деньги, полученные путем подлога, он узнает, что Дюнбер — аферист, и что Пола не его дочь, а его любовница. Он отдает себя «в руки правосудия», отсиживает около восьми лет в тюрьме и когда выходит на свободу, решает убить Дюнбера и самого себя.

У советского читателя естественно возникнут сомнения, действительно ли таков путь пролетария, решившего искать счастья в «преданной службе» богатым и разочаровавшегося в этой попытке; действительно ли путь убийства и самоубийства — тот путь, который герой романа должен был искать после пережитого им разочарования? И читатель не сможет привести к одному знаменателю концепцию романа и антифашистскую речь Авелина.

Мы не хотим сказать, что не следовало издавать этот роман.

Но если бы издательство имело в виду в первую очередь интересы читателя, оно могло бы во вступительной статье разрешить все его недоумения. Клода Авелина мало знают в нашей стране. Надо было показать творческий путь этого писателя, корни его идеологии, рост ее, приведший его в ряды антифашистских борцов. Надо было рассказать, что он с первых шагов своего творчества находился под влиянием Анатоля Франса и что это нашло отражение и в его романе «Заключенный». В своем недавнем письме в СССР Клод Авелин писал: «Работу над своим новым романом, который еще далеко не закончен, я прервал, чтобы отдаться важному и горячо увлекшему меня делу: я собираю все политические речи и статьи Анатоля Франса, рассеянные по отдельным журналам и обозрениям. Я очень хорошо знал Анатоля Франса в последние годы его жизни (я еще был тогда очень молод) и ему я обязан своим образом мыслей...» Можно было привести интересные параллели между старым Анатолем Франсом, за несколько лет до своей смерти приветствовавшим «Россию — страну, где сбывается и невозможное» и большевиков, которые «это невозможное теперь совершают до конца», и Клодом Авелином — Анатолем Франсом новой формации.

И тогда у читателя не было бы недоуменных вопросов, он увидел бы перед собою современного передового писателя капиталистической страны, преодолевающего внутренние противоречия, понимающего неотвратимые пути истории и ищущего сближения с передовыми идеями современного человечества.

Это один конкретный пример недооценки нашими издательствами значения вступительной статьи к иностранному роману. А таких примеров можно привести немало.

Но еще хуже, когда издательство выпускает книгу с предисловием, в то время как книгу вовсе не следует выпускать, и предисловие это, отмечая недостатки произведения, должно служить тому, чтобы издательство в свое оправдание могло сказать: мы-де сами подчеркнули эти недостатки. Примером такой книги может служить роман Роже Верселя «Капитан Конан» [2]).

Действие романа относится ко времени империалистической войны и рисует завершение ее на салоникском фронте. Главный герой романа, капитан Конан — это типичный представитель тех порожденных войной людей, «которые только и годятся для драки», вернее, которым кажется, что они годятся только для драки.

Когда война кончилась, он не знает, что бы он мог делать в жизни, но он полагает, что ему и его «сподвижникам» — таких как он по его мнению было всего каких-нибудь три тысячи, и это они выиграли войну — принадлежит все. И они, по мнению Конана, имеют право устраивать дебоши и ограбления, брать все, что им заблагорассудится, а когда он убивает хозяина своей квартиры — болгарина и его хотят привлечь за это к суду, он возмущается: «Я и мои ребята воевали, мы выиграли войну! Мы!.. Подумать только, что все эти щелкоперы из генерального штаба не осмелились ответить болгашкам, когда они пришли жаловаться: «Где, по-вашему, вы находитесь? Не у себя ли дома, ребята!.. Вы что, победители или побежденные?.. Так платите за битую посуду, и повежливее, поняли?». И так же он защищает «своих ребят», когда они ограбили какой-то шантан и попутно убили двух человек. А когда ему, по ходу действия, приходится очутиться на месте прежних боев, он с упоением переживает воспоминания об убийствах, совершенных им здесь.

И если культурный человек вчитается в страницы, посвященные обрисовке этого «героя», он содрогнется от омерзения: перед ним предстанет наглое и циничное лицо наемного убийцы, он увидит в нем плоть от плоти и кровь от крови тех, кто «за три чистеньких пезеты» убивает героических бойцов республиканской Испании, кто расстреливает рабочие демонстрации в капиталистических странах и сторожевыми псами стоит у колючей проволоки фашистских концентрационных лагерей.

Показать этих людей во всей их отвратительной оголенности — достойная задача для художника, возбудить ненависть к этим людям — одна из задач антивоенной и антифашистской агитации. Но Роже Версель не ставил перед собой подобной цели. Наоборот, он относится к своему герою с явным сочувствием. Именно поэтому страницы, где он показывает Конана обнюхивающим, словно собака, запекшуюся кровь своих жертв, исполнены такой внутренней страстности. Именно поэтому так убедительно, на первый взгляд, звучат у него громоподобные речи этого прожженного мародера.

Автор послесловия т. Е. Книпович прекрасно сознает всю порочность этого произведения. Она дает правильную оценку капитану Конану, она отмечает попытку Верселя выставить этого профессионального бандита, хищника и циника как воплощение обманутого фронта, как героя, чьи труды использовали трусы, как «боевого вождя, чью добычу присвоили штабные». Но она не хочет сделать тот естественный вывод, который здесь напрашивается. Она, заразившись лиричностью Роже Верселя, деликатно заявляет: «Нет, нам кажется, что Роже Версель зря с таким пафосом защищает капитана Конана». Ибо, если бы она захотела сделать решительный вывод, она должна была бы закончить тем, что роман этот преподносить советскому читателю не следует.

Книга Роже Верселя является ярким примером издания, в котором предисловием или послесловием пытаются оправдать выпуск его в свет.

И еще: нельзя относиться к предисловию или послесловию иначе, чем к критической статье. Необходимо и здесь сохранять всю непримиримость большевистского критика. И тогда мы будем гарантированы от предисловий и послесловий, в которых решительный вывод заменяется «рекомендательной» лирикой.

М. СЕМЕНОВ

[1]) Клод Авелин — «Заключенный». Из-во «Художественная литература». Пер. с франц. А. Зельдович. Л. 1937. Стр. 258. Ц. 3 р. 50 к.

[2]) Роже Версель—«Капитан Конан». Пер. с франц. М. Левиной. Изд. Журн.-газ. об'единения, М. 1937, стр. 240, ц. 1 р. 50 к.

Спектакль, посвященный выборам в Верховный Совет СССР

Московский областной дом колхозной художественной самодеятельности готовится к спектаклю, посвященному выборам в Верховный Совет СССР.

На вечере, который состоится 5 декабря в Москве, силами об'единенных колхозных самодеятельных коллективов будет исполнена большая инсценировка, рассказывающая о том, как колхозники — счастливые хозяева земли и полноправные граждане великой страны — единогласно выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР любимого друга трудящихся, вождя мирового пролетариата товарища Сталина и как они обсуждают и выдвигают кандидатуры знатных людей страны.

Сценарий для этой постановки пишут поэты В. Гусев, А. Сурков и М. Исаковский.

Первое отделение инсценировки посвящено изображению быта старой, нищей и темной царской деревни. Эта часть сценария построена на фольклорном материале, обработанном советскими поэтами; музыкальное оформление I отделения сделано композитором Г. Лобачевым.

Для второй части сценария, рисующей наше счастливое сегодня, композиторы Б. Шехтер, В. Белый и Л. Степанов пишут на тексты М. Исаковского песни: «Урожайная», «Колхозная оборонная», «Песня о Советском Союзе», «Песня о Сталине», «Песня о счастливой земле».

Исполнителями спектакля-инсценировки выступят об'единенный колхозный хор, состоящий из 250 человек, струнный оркестр народных инструментов — в составе 100 участников, ансамбль плясунов — из 40 человек и ансамбль рожечников.

Постановщики спектакля — заслуженный артист И. Шлепянов и Власов, режиссер — Егорычев.

Шота Руставели. Портрет работы художника **Ир. Тоидзе.**

ПОЭТ, ЧЬЕ ИМЯ БЕССМЕРТНО

Я, горец Илико,
Я, житель Душета,
Я песню слагаю
Про гений поэта.

Я славлю поэта,
Чей стих, как твердыня,
В поэме бессмертной
Живет и поныне.

Он светит сегодня
Нам солнцем нетленным,
И жизни счастливой
Он друг несравненный.

Взлелеянный в муках,
Он с нами сегодня.
К высотам победным
Народ его поднял.

Его вспоминают
Арагвы теченье
И птиц на рассвете
Счастливое пенье.

Орел вспоминает
Про образ героя,
Когда он высоко
Летит над землею.

Стоит, неколеблем,
Творец «Ткаосани»,
Стирая столетий
Суровые грани.

Людей поражает
Он силою львиной,
Скалою вознесся
Над горной стремниной.

Отвагой, геройством
И мощью стальною
Пленяют нам сердце
Поэмы герои.

Не страшны нам силы
Враждебные, злые, —
Идем мы навстречу
Врагу и стихии.

Подобно героям
Старинных сказаний,
Храним мы навеки
Его завещанье.

Я, горец Илико,
Я, житель Душета.
Я песню слагаю
Про гений поэта.

Я славлю поэта,
Чей стих, как твердыня,
В поэме бессмертной
Живет и поныне.

Записано в Душетском районе Грузии.
Перевел с грузинского Б. СЕРЕБРЯКОВ

Накануне юбилея Шота Руставели

Решением секретариата Союза советских писателей СССР окончательно установлен срок созыва расширенного пленума правления, посвященного Шота Руставели. **Он откроется в Тбилиси 24 декабря.**

Замечательный 1937 год, год двадцатилетия Октября, год выборов в Верховный Совет на основе Сталинской Конституции, начался пушкинскими торжествами. Завершится он празднованием 750-летия со дня рождения величайшего поэтического гения Грузии, создателя бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре» («Вепхис ткаосани»).

Ответственная и почетная задача подготовки юбилея ложится на юбилейную руставелевскую комиссию ССП СССР, секцию поэтов и всю писательскую общественность. Высшие партийные и советские организации Грузии, во главе с тов. Л. Берия, проявляют исключительное внимание к подготовке юбилея Ш. Руставели.

Сделано уже немало. Вслед за изданиями русского перевода «Вепхис-ткаосани», сделанного К. Бальмонтом, выходят из печати новые советские переводы поэмы. Перевод Георгия Цагарели, сделанный очень тщательно и умело, уже напечатан в №№ 1—9 журнала «Красная новь» и выпущен Гослитиздатом отдельным изданием, прекрасно иллюстрированным грузинской художницей Тамарой Абакелия. Интересный перевод, выполненный покойным Пантелеймоном Петренко и законченный Борисом Бриком, под редакцией К. Чичинадзе, выходит в двух изданиях — в издании Академии наук СССР с иллюстрациями Серго Кобуладзе и в издании Гослитиздата с иллюстрациями художника-орденоносца Ладо Гудиашвили. Детгиз выпускает сокращенный текст поэмы Руставели, переведенный и обработанный Николаем Заболоцким. Переводы П. Петренко и Н. Заболоцкого уже подверглись специальному обсуждению в Союзе писателей. В ближайшее время будет разобран перевод Г. Цагарели.

На Украине выходит в свет полный перевод «Витязя в тигровой шкуре», превосходно выполненный Миколой Бажаном. Одновременно поэма Руставели полностью или в избранных отрывках переводится в ряде других братских республик. Над переводами из Руставели работают сейчас Антокольский, Голодный, Державин, Коган, Липскеров, Сурков, Уткин и другие поэты. Скоро мощный поэтический голос Шота Руставели зазвучит во всем великом Советском Союзе.

Большинство журналов и газет готовится широко отметить юбилей Руставели.

В юбилейные дни в Тбилиси состоится торжество открытия памятника великому грузинскому поэту. На торжестве будут представлены все братские союзные республики. В Москве намечено устроить совместно с Академией наук СССР торжественное заседание, посвященное памяти Руставели.

К руставелевским торжествам в Тбилиси открывается выставка, посвященная Руставели и грузинской культуре его эпохи. Выставка впоследствии, надо надеяться, будет переведена в Москву. Академия наук СССР и ССП принципиально договорились об устройстве аналогичной юбилейной выставки либо в Москве, либо в Ленинграде.

Изогиз издает большой портрет Руставели работы известного грузинского художника Ираклия Тоидзе. Кроме того, он выпускает альбом иллюстраций к «Витязю в тигровой шкуре», сделанных тем же художником.

В ознаменование юбилея президиум ССП СССР решил создать при Литуниверситете стипендию имени Руставели. Юбилейной комиссией ССП поднят перед Наркомпросом вопрос об учреждении руставелевских стипендий в ряде других вузов СССР и об изучении поэмы Руставели во всех школах.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

ПО СТРАНЕ

★ **Выставку, посвященную Шота Руставели** и его эпохе, организует в Тбилиси Дом работников искусств. В залах Дома будут собраны все переводы поэмы Шота Руставели на языки народов СССР, портреты великого поэта, написанные в XVI—XX веках, и фотоснимки памятников архитектуры эпохи Руставели, костюмов и утвари.

★ **Сборник о Шота Руставели** выходит в тбилисском издательстве «Федерация». В сборник включены избранные стихи и проза о Руставели, начиная с XIV века до наших дней, в частности, стихи Теймураза I и поэтов Арчила, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе и других.

★ **Монографический очерк** о жизни и творчестве великого грузинского писателя Шота Руставели выпускает Гослитиздат.

★ **«Витязь в тигровой шкуре»** — поэма Шота Руставели — выходит в издательстве Тбилисского университета. Это издание будет точным воспроизведением первого печатного текста поэмы, опубликованного царем Вахтангом в 1712 году. Специальный шрифт для этого издания заказан в словолитне. Об'ем книги — 30 печатных листов.

★ **Поэму Ш. Руставели** «Витязь в тигровой шкуре» издает Арменгиз. Это первый перевод поэмы на армянский язык.

★ **Биографию Ш. Руставели** выпускает Жургазоб'единение в библиотеке «Жизнь замечательных людей».

★ **«Афоризмы Руставели»** готовит к 750-летию со дня рождения Шота Руставели Академия наук СССР. В книгу включены все изречения, содержащиеся в бессмертной поэме поэта «Витязь в тигровой шкуре». Издание художественно оформлено.

★ **Абхазия готовится к юбилею** гениального грузинского поэта. Отдельные главы поэмы Руставели выходят отдельным изданием на абхазском языке в переводах народного поэта Абхазии Д. Гулия и С. Чанба.

★ **Инсценировка великой поэмы** Шота Руставели организована режиссером Ак. Почава в театре имени Руставели.

★ **Сессия института языка**, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра состоится в Тбилиси в дни празднования 750-летия со дня рождения Шота Руставели.

На сессии будут сделаны доклады: «Социально-политические условия Грузии в эпоху Руставели», «Социальные основы идеи поэмы Шота Руставели», «Сказание о Нестан Дареджан в фольклоре Средней Азии» и ряд других.

★ **Выставка**, посвященная Шота Руставели, открывается в юбилейные дни в Академии художеств Грузии. На выставке будут демонстрироваться картины и скульптуры, посвященные великому грузинскому поэту.

★ К юбилейным дням Тбилисский государственный университет выпускает специальный том «Труды института им. Руставели», в котором собран богатый материал народного творчества о великом грузинском поэте. Эти материалы собраны специальной научной экспедицией фольклорной секции института им. Шота Руставели.

М. ЧАРНЫЙ

Виднейшее место

Во Франции и Соединенных Штатах Америки существуют кинотеатры, показывающие только советские фильмы. Эти театры не жалуются на недостаток зрителей.

Напор массового зрителя в двери кино с советским фильмом сочетается с огромным взволнованным интересом рафинированной интеллигенции — артистической и другой — ко всему, что идет от советского искусства, из Москвы.

В европейских и американских столицах устраиваются «недели советского искусства и культуры». Но по существу речь идет не о «неделе», а об эпохе советского искусства, о перемещении мировых центров искусства, о новом возрождении, встающем под новыми знаменами.

Доходящая до западного интеллигента правда о литературе, театре, кино Советской страны действует на него тем более оглушающе, что у себя дома он констатирует потрясающий упадок. В ряде стран фашизм прошелся, как смерч, выжигая и превращая в пустыню последние очаги культуры. В три года фашизм начисто уничтожил все лучшее, что было в немецком театре, литературе, кино. Итальянская фашистская печать сама вынуждена признать, что итальянская литература находится в неслыханном упадке, что итальянский театр умирает. Книга уже известного в Италии писателя едва расходится в количестве пятисот экземпляров. Писатели и издатели в Италии обвиняют друг друга, но все сходятся на признании острейшего «кризиса книги».

Не намного лучше в странах буржуазной демократии. Во Франции уже почти невозможно издать книжку стихов — она не расходится. Редкий писатель в богатой Франции может существовать на литературный заработок. И поэтому известнейшие французские писатели вынуждены сочетать литературную работу со службой в госпитале, или в министерстве иностранных дел, или в гимназии.

Тиражи книг в Советском Союзе кажутся писателям капиталистических стран фантастическими, чудесным сном. Многие интеллигентские круги на Западе отлично видят всю мразь разложения теперешнего капиталистического общества. Некоторые из них делают отчаянные усилия, пытаясь, в рамках этого общества, изобрести какие-нибудь панацеи. Но что может дать кампания по «спасению книги», которую одно время пыталась вести часть французской печати, если современный капитализм вопиет об «избытке образованных людей»! Парижская газета «Comedie», посвященная вопросам искусства, выступила недавно со статьей, в которой заявляет: «Положение трагично. Надо положить конец массовой фабрикации людей с дипломами, но остающихся без всякой работы». В Италии, где чуть ли не четверть населения безграмотна, а сотни тысяч детей умирают ежегодно из-за отсутствия медицинской помощи, фашистская печать требует сократить количество высших учебных заведений. «Нет ничего опаснее в социальном отношении, — цинично писала фашистская «Tribuna», — чем эти толпы молодых людей с законченным образованием, но не имеющих возможности найти работу». В Германии — там фашистский топор без долгих дискуссий обкарнал сразу высшее образование, выгнав сотни лучших профессоров и сократив в огромной пропорции общее количество студентов.

Эта борьба с «избытком культуры» идет одновременно с качественным упадком, с безостановочным процессом внутреннего опустошения. Французская критика отмечает, что выставки современной живописи «страдают известной мертвечиной и пустотой». «Беспредметность» искусства превращается из лозунга маленькой группки эстетствующих буржуазных выродженцев в сущность, в определяющую тенденцию всего буржуазного искусства. Сущность в том, что нет никакой сущности. Нет содержания. Нет идеи, без которой немыслимо большое искусство. Отвлеченное мастерство не может существовать само по себе и, даже достигнув на основе прежнего развития большой высоты, начинает погибать.

Интересные сведения о развитии театра за последние годы в Северной Америке дает Ben Blake в «La litterature internationale». К 1930 году американский театр оказался в катастрофическом упадке. Экономический кризис обнаружил всю его неустойчивость, отсутствие опоры в зрителях, внутреннюю бессодержательность. Количество спектаклей упало более чем вдвое. Больше половины работников театра оказались безработными в течение круглого года. Театр, как искусство, как форма действенного массового зрелища, казалось, погибал в САСШ безвозвратно.

Но именно в это время там началось новое театральное движение. Действительно новое. Под прямым влиянием советской культуры, советского театра в САСШ началось рабочее театральное движение, зародился театр с новым направлением, с четко определенной идейной основой, с расчетом обслуживать не обитателей Бродвея и их прихлебателей, а миллионные массы трудящегося народа.

«Престиж советского театра, — пишет Blake, — огромен. Повсюду пытаются открыть секрет его жизненности. Выпущенная недавно Norris Houghton книга «Московские репетиции» имела огромный успех. Буржуазный журнал «Theatre Arts Monthly» посвятил один из своих номеров полностью советскому театру».

Рабочее театральное движение в САСШ начало с небольших агитпроповских инсценировок, потом оно быстро расширилось, преобразовалось, захватывая и часть профессионального театра и значительные слои артистической интеллигенции. Два фактора произвели огромное впечатление на эту интеллигенцию: блестящий расцвет советского театра и гибельное влияние фашизма на театр германский. Все шире распространяется в среде интеллигенции убеждение, что судьбы культуры, искусства в частности, неразрывно связаны с миром социализма, с борьбой рабочего класса за этот новый мир. В 1935 году в САСШ создается «Новое театральное общество» (New Theatre League) с задачей «поднять американский театр на более высокий художественный и социальный уровень, создать театр, посвященный борьбе против войны и фашизма». Это общество быстро приобрело большое влияние. Его официальный орган занял место одного из трех важнейших в Америке театральных журналов и распространяется в 20.000 экземпляров. Общество руководит рядом театральных школ, издает пьесы, привлекает в театр организованного рабочего зрителя.

Вдохновляющий пример Советского Союза служит рабочему классу всего мира отличным импульсом. При всей ограниченности возможностей, которые рабочий класс имеет в странах буржуазной демократии, он уже сейчас часто берет на себя инициативу создания нового искусства, наследуя классическое искусство прошлого. Знамя культуры давно выпало из дряхлеющих рук буржуазии. Культура, как таковая, становится отрицанием капитализма, его противоречием. Наоборот, она лучший и обязательный союзник страны социализма и поднявшихся на борьбу пролетариев всех стран.

Разве не симптоматично, что доклад во французской палате о бюджете искусств поручается коммунисту? Депутат-коммунист разоблачает упадок капиталистической системы, при котором ассигнования на искусство уменьшаются во Франции из года в год, дошли до цифр «совершенно недостойных» и составляют меньше ½ процента. О вопросах искусства говорит на французском с'езде коммунистической партии ее генеральный секретарь тов. Морис Торез.

Французские коммунисты берут под свою защиту работников искусств (лучший скрипач парижской оперы получает жалкую ставку в 1582 франка в месяц), об'являют недопустимым положение, при котором некоторые из самых замечательных французских национальных дворцов находятся под угрозой разрушения из-за отсутствия государственной поддержки. Они требуют искусства для народа и ссылаются на «великолепный художественный расцвет в СССР, расцвет, в котором принимают участие десятки миллионов людей, вырванных из ночи невежества и нищеты» (Журнал «Cahiers du bolchevisme»).

Нет никакого сомнения в том, что огромный интерес к советскому искусству является отражением общего интереса к СССР во всем мире. Интересно отметить, что многие предприниматели в капиталистических странах отлично учитывают этот интерес самых широких слоев населения к нашей стране, к ее истории, к культуре и всячески пытаются спекульнуть на нем. Бесчисленны, например, за последние годы фильмы на русские исторические темы, на темы крупнейших произведений русской литературы. Неоднократно использован Толстой (в том числе «Анна Каренина»), Достоевский («Преступление и наказание»), Горький («На дне»), время Екатерины II и т. д. Крупнейшим писателям Франции заказывают сценарии «на русские темы». Мы не говорим сейчас о качестве этих произведений, не достигающих большей частью и среднего художественного уровня. Интересно указать на их тематику.

В фашистской Италии, где власти запретили создание официального комитета, который отметил бы столетие смерти Пушкина, существует, вопреки всем фашистским мероприятиям, огромный интерес к русскому языку, культуре, литературе. Как признает журнал «Meridiano di Roma», этот интерес возник именно в последние двадцать лет. Количество людей, изучающих русскую литературу и язык, «раньше совершенно незначительное, чудесным образом увеличилось после мировой войны». Другой итальянский журнал меланхолически жаловался, что столетие со дня смерти величайшего итальянского поэта Леопарди, умершего в один год с Пушкиным, было отмечено чрезвычайно слабо по сравнению с вниманием, оказанным во всем мире Пушкину.

Новая культура, как и лучшее наследие культуры старой, принадлежит новому миру социализма. Это понимают друзья, это вынуждены признать враги. Поэтому столь часто выступления советского искусства за границей превращаются зрителями и слушателями в восторженные демонстрации в честь страны социализма. Песни красноармейского хора проф. Александрова вызвали такие восторги не только совершенным мастерством, но и потому, что это были «Песни о Сталине» и «Песни о Ворошилове».

Потому что, как сказал в день двадцатой годовщины Октября тов. Молотов, «виднейшее место в защите интересов всего прогрессивного, в защите интересов культуры и национальной свободы принадлежит теперь первой социалистической революции. Все прогрессивное, все честно-демократическое тянется в эту сторону, окончательно теряя надежды на капитализм».

АКОП АКОПЯН

Умер народный поэт Армении и Грузии, пламенный большевик-пропагандист, неутомимый глашатай революции.

Сын кустаря-рабочего, Акопян был исключен из школы за написание и распространение прокламации по поводу закрытия министром народного просвещения Деляновым армянских церковно-приходских школ (1885 г.). С этих пор Акопян стал на путь революционера-пропагандиста. Он работал в качестве подпольщика-большевика в царской России. В годы гражданской войны работал в тылу врага, а после Октябрьской революции целиком посвятил свою жизнь любимой и близкой пропагандистской работе, литературной деятельности.

Акопян — член ВКП(б) с 1904 года. В годы реакции он был членом Закавказского партийного комитета и входил в редколлегию партийного органа «Борьба». В 1911 г. он по партийным делам ездил за границу, где встречался с Карлом Либкнехтом и другими партийными товарищами. В 1914 г. Акоп Акопян участвовал в партийном совещании в Финляндии. Акопян был пламенным певцом пролетариата, его верным сыном, его верным агитатором и пропагандистом.

Акопяна называли армянским Верхарном. Он был певцом города, заводов, фабрик и труда.

Ушел от нас основоположник пролетарской поэзии Армении и старейший пролетарский поэт Советского Союза.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

★

ТБИЛИСИ, 14 ноября. Вчера в Тбилиси после продолжительной болезни скончался талантливый армянский поэт Акоп Акопян.

Имя Акопа Акопяна пользуется широкой популярностью не только среди народов республик Закавказья, но и всего Советского Союза. Его стихи переведены на грузинский, азербайджанский, русский языки.

В день 30-летия общественно-литературной деятельности Акопа Акопяна ему было присвоено звание народного поэта Грузии и Армении.

«В защиту политической поэзии»

Обсуждаем вопросы советской поэзии

За боевой советский стих

Статья т. Н. Плиско «В защиту политической поэзии», опубликованная 30 октября в «Литературной газете», поэтами нашей страны встречена сочувственно. Конечно, можно было бы с ним кое о чем поспорить, мне лично кажется, что термин «политическая поэзия» расшифровывается не совсем точно. Под этим термином т. Н. Плиско, видимо, подразумевает особо важный в поэзии жанр, который должен иметь преимущество перед другими жанрами: лирическим, эпическим, песенным и т. п.

Думается, это не совсем верно. Проблема политической поэзии не должна пониматься, как проблема узко жанровая. Низведение политической поэзии до жанрового понятия, до стихов, напечатанных только в газете, равносильно снятию этого большого вопроса. Необходимо уяснить, что политическая поэзия — **наджанровое понятие** или, вернее, вмещающее в себя **все жанры** — и лирический, и эпический, и трагедийный, и песенный, и все остальные, так как независимо от того, в каком жанре поэт работает, он обязан быть художественным проводником идей партии Ленина—Сталина.

И когда мы боремся за политическую поэзию, это вовсе не значит, что мы боремся только за какой-то отдельный участок в нашей поэзии, а остальные участки оставляем в полное владение литературных гурманов, чистоплюев, эстетов. Нет, это, конечно, не так.

Борясь за политическую поэзию, мы боремся за повышение идейного уровня всей советской поэзии, боремся за поэзию пушкинской ясности и простоты, рождающую звук, отзывный в сердцах миллионных масс, за поэзию великого опыта жизни, неотделимую от политических задач советского народа.

Вот почему борьба за политическую поэзию должна охватить всю советскую поэзию: это даст ей широкую перспективу развития.

И все же, несмотря на спорный для меня пункт о политической поэзии, статья Н. Плиско в целом — отрадное явление: в ней впервые взяты под сомнение литературные взгляды Е. Усиевич, нашедшие свое последнее, по времени, выражение в ее статье «К спорам о политической поэзии».

Для советских поэтов эта статья не явилась неожиданностью: она вытекает из вредной деятельности Усиевич на поэтическом фронте. Эта деятельность ознаменована, с одной стороны, неустанным оглуплением и дисквалифицированием поэтов, кровными нитями связанных с народом, и с другой стороны — упорным последовательным выдвижением некоторых поэтов, разоблаченных впоследствии как враги народа. В частности, одного из них Павла Васильева, она называла «поэтом миллионов», утверждая, что «эмоциональная заразительность его стихов дает все основания предполагать это».

Пожалуй, не найдется ни одного литературного критика, который бы заслужил у поэтов такое единодушное отрицательное отношение к себе, как это успела сделать т. Е. Усиевич. Это произошло потому, что она, разглагольствуя о политической поэзии, никогда не любила советскую поэзию— и не любила именно за ее политическую направленность, что ясно было выражено ею в статье о Смелякове, где она прямо писала: «Лирика существовала в нашей поэзии на всех этапах ее развития... Но это была лирика преимущественно борьбы, лирика гражданская и политическая, и это было совершенно естественно для пролетарских и близких к пролетарским поэтов, в то время когда вся страна стояла против врага с оружием в руках, когда чувство борьбы, чувство ненависти к врагу доминировало». А теперь, видите ли, обстановка изменилась, и у отдыхающего, с точки зрения т. Е. Усиевич, пролетарского класса уже чувство ненависти к врагу не доминирует, а потому у него появилась потребность, как выражается т. Е. Усиевич, «в иной лирике, потребность в интимной лирике, в стихах о любви, о природе». Вот в этом противопоставлении поэзии политической поэзии интимной, в постоянном отрыве личного от общественного—вся т. Е. Усиевич.

Что же касается ее последней статьи, которую разбирает Н. Плиско, то смысл ее в том, что у советского народа к 20-й годовщине Октября кроме двух поэтов — Маяковского и Демьяна Бедного — никого нет. Вот основной и даже незамаскированный вывод, который делает т. Е. Усиевич из анализа существующего положения вещей в советской поэзии. И этот вывод для т. Е. Усиевич закономерен. С разгромом вредительской бухаринской линии в поэзии и его выдвиженцев, с разгромом поэтов, на которых опиралась Е. Усиевич, вокруг которых она восхищенно приплясывала, советская поэзия для нее перестала существовать.

Статья Н. Плиско поможет разоблачить вреднейшую деятельность Усиевич на поэтическом фронте.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

Хороший почин

Статья т. Плиско полезна тем, что затрагивает вопрос о той части поэтической критики, которая, как правило, резко расходится с народным, читательским мнением.

Фигура критика т. Е. Усиевич в этом смысле почти показательная.

Пристрастие т. Е. Усиевич к конструктивистам, затем к констромольцам, к эстетам, поддержка и прославление некоторых поэтов, враждебность которых впоследствии стала очевидной для всех, — все это заставляет невольно думать, что здесь целая концепция, которая вряд ли годится для советского критика.

Вынужденные комплименты т. Е. Усиевич по адресу Д. Бедного и Маяковского кажутся дымовой завесой, которая не может прикрыть ни великолепного молчания ее о целой армии боевых, демократических поэтов, ни ее высказываний, дискредитировавших работу этих же поэтов.

Некоторые поэтические имена, которым Е. Усиевич пророчила судьбу «поэтов миллионов», приобрели такую печальную известность, что вряд ли стоит о них и упоминать.

«Правда» указывала на вредный характер статей этой «пророчицы» печального образа, и полное раскрытие ее критического лица могло бы пойти на пользу всему подлинно советскому искусству — и поэзии, и критике.

Хорошо, что сделан почин.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Довольно двусмысленностей!

Считаю правильной статью тов. Н. Плиско «В защиту политической поэзии», как ясную и недвусмысленную постановку вопроса о наиболее волнующих проблемах советской поэзии.

Я вдвойне рад этой постановке — и за поэзию, и за нашу критику, до сих пор ходившую вокруг да около центрального вопроса — участия поэзии в сегодняшнем дне, в его интересах, трудностях, достижениях.

Лично у меня, как у советского стихотворца, от этого обхаживания критики осталось чрезвычайно неприятное впечатление двусмысленной и недобросовестной возни, имеющей целью запутать этот вопрос, сбив с толку, дезориентировав тех, кому он является жизненно необходимым.

В самом деле: припомним высказывания тех критиков, которые так или иначе «задавали тон» в нашей поэтической среде. Как презрительно всегда отзывались они о людях, пытавшихся заниматься так называемыми «агитками», которые и были в конце концов политически-заостренными стихами.

Селивановский, а вслед за ним — Ермилов, Лейтес, Тарасенков, — какая длинная цепь имен, вязавшая ноги молодой советской поэзии, всячески затрудняя ее движение по пути сближения ее тематики с общественно-политическими запросами дня!

К сожалению, и голос т. Е. Усиевич можно найти в этом спевшемся хоре.

Голос не такой уверенный в себе, как вышеназванных, но достаточно неприязненный в отношении политической поэзии.

И если Ермилов просто выполнял директивы Авербаха, ругая Маяковского именно за злободневность его стихов, а Мирский уже вынужден был признавать Маяковского, но обвинял в неудачности этого рода стихов меня, —

если Тарасенков подпевал Мирскому, всячески охаивая все, что близко было к политической поэзии, и с таким же жаром восхваляя все, что было ее антиподом, —

если Бухарин и иже с ним всячески старались похоронить носителей этого жанра под грудой кислых слов,

то — Е. Усиевич придумала совершенно новую формулировку, долженствовавшую смешать с грязью сторонников политического жанра в поэзии.

Формулировка эта — о поэзии, которая будто бы делается по телефонному звонку.

В этом содержится компрометация поэта, как наемника, который не сам, а под влиянием внешнего, чисто административного воздействия пишет на тему, ему продиктованную.

Все это было настолько двусмысленно, неприязненно и настолько дурно пахло, что спорить с этим не хотелось. Все ждалось, что найдется же трезвый человек, который эту двусмысленность расшифрует, раз'яснит, вытащит на солнышко.

Статья т. Е. Усиевич, о которой идет речь в разборе Н. Плиско, является лишь расширенным толкованием той же вредоносной и враждебной советской поэзии позиции, которую занимали многие «опекуны» советской поэзии.

Н. АСЕЕВ

За честную критику

В силу целого ряда обстоятельств получилось так, что правдивая и ясная статья Н. Плиско прозвучала не только в защиту политической поэзии, но и в защиту всей современной советской поэзии. За последнее время стало обычным явлением в критике огульное, со свистом и улюлюканием, охаивание творчества советских поэтов поодиночке и группами.

Делалось это не сразу, а постепенно, под разными благовидными предлогами, но в итоге страдали и поэзия и поэты.

Нужно проследить, например, за практикой журнала «Литературное обозрение», чтобы понять эту несложную истину.

В особенности яростным нападкам подвергались поэты, работающие в плане политической поэзии. Своего апогея эта линия «критики» достигла в известной статье т. Е. Усиевич, статье политически вредной и лицемерной.

Е. Усиевич оставляет в советской поэзии В. В. Маяковского, которого мы, поэты, и без ее помощи считаем нашей гордостью и славой. Затем т. Е. Усиевич «признает» поэзию Д. Бедного; опять-таки и в этом случае мы можем обойтись без ее открытий. Все остальные поэты игнорируются или подвергаются расправе. Е. Усиевич путем несложных ухищрений ликвидирует политическую поэзию в тот момент, когда она насущно нужна нашему народу и всему трудящемуся человечеству. Все это весьма и весьма похоже на желание запутать советских поэтов и унизить их работу. От статьи т. Е. Усиевич и ей подобных несет холодом и недоброжелательством. Видно, что Е. Усиевич не любит поэзии, или любила и любит поэзию какого-то иного склада и лада. Мы, советские поэты, работаем еще далеко не так, как работают лучшие люди нашей страны, наши вещи страдают многими и многими недостатками, но в целом советская поэзия дала за 20 лет много прекрасных, сильных и умных вещей и является сейчас лучшей в мире. Честное слово, мы не боимся нашей суровой критики, но критики партийной, честной и в основе своей доброжелательной. За такую критику мы будем бороться.

В. ЛУГОВСКОЙ

Великолепное издание

Юбилейный номер журнала «СССР на стройке»

Журнал **«СССР на стройке»**, лучший советский иллюстрированный журнал, пользуется заслуженной популярностью не только у нас в стране, но и за границей. Издаваясь, помимо русского, на нескольких иностранных языках, журнал из месяца в месяц демонстрирует рост социалистической экономики, расцвет культуры Советского Союза, его республик, краев и областей.

Большинство номеров «СССР на стройке», вышедшие в 1937 г., показывают, что редакция журнала неустанно работает над повышением художественного и политического качества иллюстрационного материала (кстати — всегда оригинального), ища и находя новые интересные формы подачи читателю фотоснимков и текста. Привлекая к авторской разработке своих номеров знающих страну писателей и журналистов, редакция «СССР на стройке» сумела сочетать их работу с работой выдающихся фотомастеров, создав образцы фотоочерка, фоторассказа.

Юбилейный номер «СССР на стройке» целиком посвящен великой Сталинской Конституции. Бесспорно, что это глубоко продуманное и блестяще оформленное издание выходит далеко за пределы рамок обычных номеров «СССР на стройке». Перед нами великолепная книга, иллюстрирующая заявление вождя народов СССР товарища Сталина на VIII Всесоюзном с'езде советов, что наша советская Конституция **«должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем».**

Следуя шаг за шагом за статьями великой Сталинской Конституции, юбилейный номер «СССР на стройке» иллюстрирует их яркими фотомонтажами и снимками, воспроизведением образцов советского изобразительного и народного искусства, диаграммами, картами, цифрами. Все это, в соединении с лаконичным, выразительным текстом Бориса Агапова, использовавшего и цитаты из выступлений Ленина и Сталина, и народный фольклор, делает юбилейный номер журнала документом большой силы, одинаково интересным и полезным и для читателя, как нашего советского, так и зарубежного.

Построенный просто и ясно, этот номер журнала является прекрасным подспорьем для партийного пропагандиста и советского активиста в избирательной кампании в Верховный Совет.

Номер открывается монтажем — воспроизведена скульптура Мухиной—рабочий и колхозница над земным шаром, на оси которого развевается красный флаг, водруженный героями Советской страны на Северном полюсе.

От умнейших и передовых людей эпох и народов — Платона, Томаса Мора, Фомы Кампанеллы, Руссо, Сен-Симона и Фурье, журнал переходит к основоположникам научного социализма Марксу и Энгельсу, гениальным вождям Великой Социалистической революции в СССР Ленину и Сталину.

Показав борьбу за Октябрь воспроизведением известных картин художников Щеглова и Иогансона, историческими документами и цитатами, журнал иллюстрирует статью первую Конституции глубоко впечатляющим фотомонтажем художника Эль-Лисицкого: творец Конституции — великий Сталин говорит с трибуны, рабочий и колхозник высоко вздымают над головой вождя знамя с гербом СССР.

В серии ярких разворотов, посвященных ст.ст. 2, 3, 4, 6, 7, 8, 11, показаны не только мощь и расцвет экономики СССР, удельный вес нашей родины в мировом хозяйстве, богатства недр, земель, вод и лесов, заводов, фабрик, шахт, рудников, транспорта, банков, связи, совхозов, колхозов, но и то, кому все эти богатства принадлежат.

Статью 12 — о том, что труд является в СССР обязанностью и делом чести, иллюстрируют изображения знатных людей страны — кузнеца Бусыгина, скрипача Ойстраха, машиниста Кривоноса, писателя Шолохова, инженера Жук, трактористки Паши Ангелиной, академиков Баха и Лысенко, занятых каждый своим трудом.

Оригинальная цветная композиция герба СССР (худ. В. А. Фаворского), изображающая содружество советских народов, открывает парад одиннадцати союзных республик.

РСФСР, цветущая Украина, охраняющая западный рубеж Белоруссия, нефтяной Азербайджан, солнечные Грузия и Армения, хлопковые жемчужины Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан, промышленный и животноводческий Казахстан и Киргизия представлены в юбилейном номере во всем великолепии своих достижений.

Номер завершается изображением великого Сталина в окружении его ближайших соратников и лучших людей советского народа, на защите которого стоит часовой — несокрушимая Красная Армия.

Л. Г.

Поправка

В докладе тов. Молотова «К двадцатилетию Октябрьской революции», опубликованном в «Литературной газете» 10 ноября 1937 г., в главе III «О перспективах», во второй колонке, в пятом абзаце сверху **напечатано:**

«Что все это означает? Это означает, что в нашей стране создалось невиданное раньше внутреннее **моральное и политическое единство народа.** Моральное и политическое единство социалистического общества».

Надо читать:

«Что все это означает? Это означает, что в нашей стране создалось невиданное раньше внутреннее **моральное и политическое единство народа,** моральное и политическое единство социалистического общества».

ПРЕМЬЕРА «ТИХОГО ДОНА» В ТАШКЕНТЕ

Ташкентский театр оперы и балета показал в Октябрьские дни премьеру оперы И. Дзержинского «Тихий Дон».

Коллектив театра и зрители отправили т. Михаилу Шолохову в адрес Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР телеграмму, в которой поздравляют писателя с большим успехом «Тихого Дона».

«Все присутствующие, — говорится в телеграмме, — рады случаю поздравить вас также с тем замечательным фактом, что ряд округов выдвинул вас кандидатом в Верховный Совет.

Мы надеемся видеть вас нашим гостем в столице Узбекистана в самом скором времени».

«ПРАВДА» А. КОРНЕЙЧУКА В ТЕАТРЕ им. ФРАНКА

От нашего киевского корреспондента

С огромным успехом идет в украинском драматическом театре им. Франка новая пьеса А. Корнейчука «Правда».

С захватывающим волнением встречает зритель появление в последнем акте В. И. Ленина в талантливом изображении и исполнении заслуженного артиста Бучмы.

«Румпельштильцхен»

«Йоринда и Йорингель»

Издательство «Academia» выпускает **Сказки братьев Гримм** с иллюстрациями **Рахкама** 1900 г.

В. БАРЫКИН

ЗОЛОТАЯ КНИГА

Так можно назвать сборник **«Творчество народов СССР»**, выпущенный редакцией «Правды» к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На обложке этой изумительной книги нет фамилии автора. Ее автор — советский народ, и создавалась она «из песен, сказов, метких слов, рожденных коллективным вдохновением советских народов».

Почти два года собирались песни, сказки, былины, частушки. Писатели, фольклористы, журналисты, краеведы, откликнувшись на призыв редакции, записывали «созданное народными талантами за двадцать героических лет». Свыше 600 печатных листов советского фольклора собрала редакция. В книге в 30 печатных листов опубликованы «только лучшие, типичные произведения советского фольклора». 250 замечательных произведений певцов, сказителей, рассказчиков тридцати пяти советских народов заняли более чем 500 страниц золотой книги.

Раскроем эту книгу и перелистаем ее страницы. Перед нами — цветущая родина, где для советского народа «открыта в счастье настежь дверь», где живет, работает и на разных языках поет великий советский народ. Он поет громко, во весь голос. Песня летит от края и до края. Народ поет о своей радостной и счастливой жизни в великую сталинскую эпоху, воспевает своих любимых вождей Ленина и Сталина, он славит могущество своей родины, «век советский, счастливый и радостный».

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла уста народа для бодрой, радостной песни. Большевистская партия и ее вожди Ленин и Сталин создали такую жизнь, когда трудовой народ может петь свободно, от души. Вот почему самые лучшие свои песни народ слагает о любимых вождях. Изумительные по силе образы, замечательные слова находят певцы, чтобы выразить народную любовь к Ленину и Сталину.

Ленин встал, как солнышко восходит,
Разгоняя тьму и ложь, —

поет народ Чечено-Ингушетии.

«Ленин смелее и ярче солнца! Для Ленина ночи нет!», восклицает народный певец Киргизии.

Ты нам все двери мира отворил,
Великий Ленин, исполин веков! —

поют таджики.

На всех языках прославляют Ленина народные певцы. Они сравнивают его с тем, что им дорого, близко, понятно. «Ленин — солнце», «Ленин — свет», «Великий Ленин, равный облакам», «Ленин, как снежные горы, высок», «Ясное солнце жизни», «Самый мудрый из мудрых, самый большой большевик», «Золотая заря», «Добрый великан», «Мудрые мысли Ленина будто цветы цвели», — эти и им подобные образы и сравнения целыми пригоршнями рассыпают народные певцы в своих песнях о том, кто создал нашу страну.

Когда умер В. И. Ленин, печально зазвучали голоса певцов и сказителей. Миллионы людей оплакивали смерть великого вождя. Но вот на весь мир прозвучала сталинская клятва.

Живое имя Ленина —
Бесценный изумруд,
Твои слова, твои дела,
Клянемся, не умрут.

— запели в Армении. Да и не только в Армении. Дело Ленина живет и процветает, и песня о нем несется по просторам советской земли.

Как добрый конь, ступает твердо время,
Идут года, и мы идем вперед.
По тем путям, что завещал нам Ленин,
Родной товарищ Сталин нас ведет.

Ему, родному Сталину, посвящает народ свои вдохновенные песни. Каждая песня, сказание — это голос народа, голос, идущий из глубины сердца, выражающий горячую любовь народа к большевистской партии и ее вождю.

По-иному светит нам
Солнце на земле.
Знать, оно у Сталина
Побыло в Кремле, —

распевают в украинских селах.

«Это светит наше солнце — Сталин наш родной», — поет свободный мордовский народ.

Матери, баюкающие своих детей, поют им о самом близком, самом родном человеке.

Сталин — в сердце каждого честного человека. Сталин близок каждому. Каждый народ поет о Сталине по-своему, на своем родном языке, рассыпая богатства национальной культуры. Какое разнообразие форм, образов вкладывается в революционное содержание песен.

О Сталине, могучем батыре, поют в Казахстане:

Только этот батыр и мог
Разбить вековой замок,
За которым богач берег,
За которым мулла стерег,
Как яблоки своих глаз,
Все украденное у нас!

Грузинские народные певцы сравнивают Сталина с орлом:

Ты — ввысь поднявшийся орел,
Что над вершинами летает.

Таджикские певцы спрашивают:

Где найдешь ты в памирских горах
такого большого орла,
У которого есть миллионы верных и
смелых орлят?

И отвечают:

Нет такого орла в горах!
Есть счастливый такой орел далеко за
горами:
Зовут его Сталин!

В Азербайджане иное сравнение:

Все науки мудрые познавший,
Маяка ты светишь ярче, Сталин!
Ты заветы Ленина исполнил,
Партии брильянт, ярчайший, Сталин!

Туркменские колхозники, обращаясь к любимому вождю, говорят:

«Ты зорче сокола в небесах, ты храброго
льва сильней».

У армянского народа свои слова, свои образы:

Ты — новых дней отец, товарищ Сталин!
Ты выше всех богатырей на свете.
Ты — пышный сад с душистыми
плодами.

Колхозник Автономной Удмуртской республики поет:

Он ярче солнца в июне,
Он выше июльской тучи,
Яснее летнего дня.
Сталин — орел могучий —
Ведет нас вперед, к коммуне
И пусть он слышит меня.

Замечательные слова о Сталине можно найти в песнях каждого народа, населяющего СССР В Киргизии, например, поют о том, как Сталин

Для отсталых, темных племен
Создал счастливый век,
Под мудрым взором его
Человеком стал человек.

Свободный украинский народ поет:

И с тобой, наш ясный сокол,
Мы с дороги не свернем.
Мы в сердцах и на знаменах
Конституцию несем!

Украинцам отвечает белорусский народ:

Пусть живет на свете
Жизнью нерушимой
Наш товарищ Сталин —
Наш отец любимый!

Эти песни подхватывает весь советский народ.

От края до края, по горным вершинам,
Где свой разговор самолеты ведут,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню народы поют.

★

Следующий раздел книги—«Гражданская война» — открывается широко известной песней, с которой тогда полураздетые, плохо вооруженные красные войска шли на врага и били его вооруженные по последнему слову техники полки: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов».

Прочитываешь творчество народа, помещенное в этом разделе книги, и перед тобой встает живая история боевых дней, когда революция защищалась от белых полчищ, от интервентов 14 стран, изгоняя их со своей священной земли.

Боевые полководцы революции, ее славные командиры, легендарные герои, безымянные бойцы — вот к кому народ обращает свою любовь. О незабываемых делах Фрунзе, Серго, Кирова, Ворошилова, Буденного, Чапаева, Щорса народ поет свои песни, частушки, сочиняет сказки. Все основные этапы и наиболее яркие эпизоды гражданской войны нашли свое отражение в золотом роднике народного творчества.

Борьбу с Деникиным, Врангелем, Колчаком, Петлюрой, боевые походы славной конной армии, бои за Царицын, за Приморье, за Украину, легендарные походы Чапаева, Щорса, боевые партизанские дела, — все, что пережил народ, он запомнил и вложил в уста своих певцов. По песням народным будущие историки смогут ознакомиться с этими боевыми годами, когда Страна советов под руководством Ленина и Сталина расправляла свои могучие крылья и очищала свою землю от всяких внутренних и иноземных врагов.

Песни о гражданской войне — это песни любви к своей родине, к своим вождям и полководцам, песни ненависти к врагу.

Следующий раздел книги — Красная Армия — является как бы продолжением предыдущего. Гордостью и радостью за свою родную, непобедимую Красную Армию, охраняющую труд работников социалистического государства, наполнены до краев песни народные.

★

Хотите почувствовать, что такое наша родина, как и чем живет наш советский народ? Хотите ощутить географию и этнографию нашей страны, лицо одиннадцати советских республик, их неисчерпаемые богатства? Перечитайте 107 песен, сказок, частушек, сказаний, напечатанных в последнем разделе сборника «Творчество народов СССР».

«Песней о родине» открывается этот самый большой раздел книги. Широка страна моя родная! Прекрасные песни звучат среди полей лесов и рек. Вольно дышится человеку в нашей свободной прекрасной стране. И эту жизнь изумительно отражает многонациональный наш народ в своем песенном творчестве. Трудно выделить какие-либо образцы собранного здесь драгоценного материала. Каждая песня, это — бесценный алмаз, сияющий всеми цветами радуги. Они радуют, эти песни-самоцветы, воспевающие счастливую страну, где «шумят хлеба, как море», где «дороги нет для горя».

И солнца смех ту землю греет,
Где не румянилась заря;
Страна, как сад цветущий, зреет
Под ярким солнцем Октября.

Как не радоваться, как не запеть, когда «теперь мой край привольно весь одет цветами». Как не крикнуть: «Эй, время, время, солнце — время». Как не запеть, когда Сталин дал народу новый закон.

Слушайте песню о радостной вести:
— Новый закон гонцы привезли.
В нем — радость для всех народов земли,
В нем — слава побед величавых встает.
В нем сердце сталинское живет!

Владимир Маяковский высоко ценил песню и с гордостью говорил: «Песня и стих — это бомба и знамя». С песней наш народ шел в бой и побеждал врагов. С песней он начал залечивать раны на теле своей страны. С песней он начал возводить новые заводы в годы сталинских пятилеток.

Пелись песни на лесах, —
С песней дело краше,
И летели песни те
До Кремлевских башен.

Эта песня раздавалась на стройке Харьковского тракторного завода.

«Я певец счастливой страны», говорит народный певец Казахстана Маймбет, «у которого на душе весна».

Песня и стих — это бомба и знамя. И как бы отвечая талантливейшему поэту нашей советской эпохи, советские казаки поют:

Синий Дон волною бьется
О крутые берега,
Наша песня раздается,
Мчится пулей на врага!

«Песни летят, как соколы», — поют в одном конце страны. «Пусть по стране летят песни твои крылатые», — говорят в другом. «Песни певцов-соловьев молодят седых стариков», — поют в киргизских степях. «Я голос народа, я слово народа, я песню народа пою», — говорит певец Туркмении.

Никогда не танцевала,
Не смеялась от души.
А теперь веселой стала, —
Пой и смейся и пляши, —

несется из башкирских колхозов, где бывшие бедняки и середняки под сталинским солнцем обрели свое счастье.

Песня хорошо выражает думы и настроения народа. В Харьковской области спрашивают: «Отчего, земля, ты сделалась веселой, отчего запели города и села?». Харьковчанам отвечает эвенк Николаев из Дальневосточного края: «Настала светлая жизнь, советская, колхозная». И эта светлая советская жизнь раскрыла уста, и поет народ славу своей стране, своему Сталину, создателю светлой советской жизни. Сквозь все песни проходит Сталин. Сталин дает певцам вдохновение, и они поют о нем, выражая думы и мысли и любовь народную.

Говоря о содержании книги, нельзя не сказать и об ее оформлении. Каждая страница сделана с большой любовью. Открывается книга портретами В. И. Ленина и И. В. Сталина, вытканными руками ковровщиц Туркмении. Блестящая работа!

Лучшие образцы творений народа собраны редакцией для оформления золотой книги. Долго нельзя оторваться от красочных вкладок, на которых воспроизведены работы палешан («Партизаны», «Уборка урожая»). Замечательно сделан портрет В. М. Молотова. Ивановские и вологодские кружевницы представлены искусными работами, показывающими, каким высокохудожественным вкусом обладает наш народ. Украинцы дали прекрасные гобелены («Товарищ Сталин среди народа», «К. Е. Ворошилов среди колхозников», «Защита Донбасса от белогвардейцев», «На отдыхе»).

В книге представлены вышивальщицы Узбекистана, выжигальщики по дереву, вышивальщицы по коже, резчики по дереву, резчики по кости, бакинские вышивальщицы, мастера игрушек, мстерские мастера, федоскинские мастера и многие другие представители плеяды замечательных мастеров, разбросанных по всем краям нашей страны.

Повторяем, с любовью оформлена каждая страница. Издание этой книги — хороший пример всем издательствам.

★

Известно, как А. М. Горький относился к народному творчеству. В предисловии к книге «Творчество народов СССР» говорится: «Эта книга зарождалась при активном участии великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. Его неизмеримая любовь к народу, вера в народные таланты отражены в этой книге». Надо думать, что выпуском этой книги будет положено начало регулярному изданию целой серии аналогичных книг.

Что касается выпущенного тома, то он должен стать настольной книгой для каждого советского поэта и писателя. По ней можно учиться, как надо творить для народа.

★

Книга «Творчество народов СССР» под редакцией А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого выпущена редакцией «Правды».

Книга о гимназии

О книге Бражнина приходится сказать, что она — пример неосуществленных автором возможностей. Она написана в форме романа, названа «Мое поколение» и могла бы стать интересной хроникой. Между тем для романа она мало действенна, а для хроники ей нехватает широкого исторического фона. Главный же недостаток книги в том, что у нее нет ясного адресата.

В самом деле: поколению гимназистов 1911—1912 гг., выведенному Бражниным, к Октябрю 1917 г. должно было быть двадцать лет с небольшим. Советскому юношеству было бы, конечно, очень интересно узнать, как росло и развивалось поколение, заставшее еще царский режим.

Наконец, книга, просто и четко рассказывающая о том, что представляла собой царская гимназия, уродовавшая юношество, была бы тоже очень полезна. В известной мере такой книгой — «Мое поколение» является. Беда ее, однако, заключается в том, что если книга адресована советскому юношеству, то многое будет ему непонятно. Прошлое, бывшее для героев и современников Бражнина нагляднейшей действительностью, для нашей молодежи давно стало литературой. Без знания эпохи реакции 1911—1912 гг. молодому советскому читателю непонятны ни овеянная Гамсуном мелодраматическая любовь сына модистки Илюши Левина к дочери рыбника Ане Тороповой, ни покушение на самоубийство гимназиста Никишина, ни многое другое.

Взрослого же читателя, знающего эпоху, книга не удовлетворит, потому что рамки ее слишком узки Книга, названная «Мое поколение», оказалась только книгой о гимназистах.

Повидимому, писатель тяготел к более широкому охвату материала. Он выводит и представителей старшего поколения. Но тут — другая беда: увлекшись формулой «среда виновата», автор несколько потерял перспективу. У него случилось так, что жертвами среды оказались (и по праву) не только замученная семьей и школой покончившая с собой гимназистка Торопова, не только гимназисты Никишин и Соколовский, но и спившийся латинист — тиран класса. Получается, что «принципиальный подлец» — директор гимназии, так же, как и спившийся латинист, а, может быть, и как купец Торопов, любя, калечащий дочь, — тоже жертвы системы. Правда, симпатии и жалости последние персонажи не вызывают. Но так как эпоха 1911—12 гг. изображена недостаточно глубоко, то и эти отрицательные персонажи, характерные для того времени, не имеют внутренней опоры, они как бы повисли в воздухе, лишенные исторического фона, той самой среды, в окружении которой их типические пороки были бы художественно убедительнее и правдивее.

Вследствие того же отсутствия реального исторического фона эпохи и положительные фигуры: идейный руководитель гимназического комитета ссыльный Новиков и рабочий Хлебников — ученик вечерней школы, где преподает гимназист Рыбаков, ощущаются как образы неполновесные. Недаром у автора является потребность вкладывать в уста того же Новикова тирады публицистического свойства, в которых сообщается количество процентов политически неблагонадежных среди гимназистов того времени. Иной раз то же самое делается непосредственно самим автором: он отступает от сюжетной канвы и вводит в текст сообщения о количестве ссыльных в Архангельске, об их влиянии на учащуюся молодежь и т. п. Само собой разумеется, было бы целесообразнее превратить эти публицистические отступления в элементы романа, органически с ним связанные. Еще лучше было бы, если б автор, отказавшись от формы романа, дал настоящую хронику поколения, взятую шире рамок гимназии и опирающуюся на исторический фон того времени, к которому относятся описываемые события.

М. НАДЕЖДИНА

И. Бражнин, «Мое поколение». Роман, «Советский писатель». 1937 г.

Три миллиона рукописей

ВЫСТАВКА В ГОСЛИТМУЗЕЕ

Гослитмузей открывает на-днях выставку материалов по истории русской литературы XVIII—XX веков.

Музей владеет **3 миллионами рукописей**, принадлежащих перу писателей различных эпох.

Каталог выставки включает 110 рукописей А. С. Пушкина и большой материал, связанный с именем великого поэта: «Болдинский архив», «Дела опеки Пушкина», «Дневник Долгорукова» и т. д. Особый интерес представляют: «Дело об учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина», относящееся к 1833 году, и «Послужной список титулярного советника в звании камер-юнкера Александра Пушкина» — 1837 года. Большая часть документов из этих дел до сего времени не использована биографами великого поэта.

Не меньшей ценности хозяйственные бумаги Пушкина, касающиеся нижегородских владений и села Михайловского.

Менее значительно по об'ему выставляемое музеем лермонтовское собрание Но оно весьма ценно по своему содержанию: автографы стихов, документы о дуэли, рисунки и, наконец, список поэмы «Демон», приписываемый самому поэту.

Гоголь будет представлен на выставке **уникальным отрывком (один листок)** из сожженной автором второй части «Мертвых душ» и черновиком письма к Белинскому, разорванным Гоголем на 48 частей Письмо удалось настолько удачно реставрировать, что его можно легко прочесть.

Сороковые годы отражены в документах обширных архивов Тучковой-Огаревой и Сатина, дающих большой материал о Герцене, Огареве и их литературных спутниках.

Помимо чисто литературных памятников будет выставлен исключительно богатый материал по истории общественного движения в России XIX века.

Среди материалов **о декабристах** есть документы-уникумы.

Этот раздел выставки открывается подлинником письма унтер-офицера И Шервуда к Александру I с просьбой о личной аудиенции для доклада «о встретившихся обстоятельствах». Письмо датировано 18 мая 1825 г. Это первый донос царю на декабристов.

Здесь же подлинное письмо графа Аракчеева к Александру I с сообщением о приезде унтер-офицера Шервуда для доноса о заговоре в армии.

Раздел завершается подлинными записками Николая I к коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину о мерах, которые необходимо принять по отношению к каждому декабристу в отдельности.

Письмо Николая к начальнику штаба Дибичу — о «тактике и мерах борьбы со смутьянами» — говорит о том, что в царском дворце еще за два дня до выступления декабристов знали о дне и часе восстания.

Начало XX века будет представлено на выставке интересными материалами о символистах и о писателях, группировавшихся вокруг сборников «Знание». В этих последних материалах отражены реализм и политическая направленность писателей группы «Знание» и организующая роль в ней Максима Горького.

КНИГИ МАМИНА-СИБИРЯКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

С каждым годом Детиздат ЦК ВЛКСМ, расширяя издание классиков для детей, увеличивает выпуск книг Мамина-Сибиряка.

Первой книгой Мамина-Сибиряка, изданной для ребят в 1935 г., был сборник его рассказов. 25 тысяч экземпляров мгновенно были раскуплены юными читателями. В следующем году Детиздат увеличил тираж сборника вдвое.

В серии «Книга за книгой» стотысячным тиражом были выпущены «Серая шейка», «Емеля охотник» и — двумя изданиями по сто тысяч — «Зимовье на Студеной».

В этом году Детиздат выпустил рассказы Мамина-Сибиряка уже двухсоттысячными тиражами.

Драматурги к выборам

Сегодня, 15 ноября, в Доме советского писателя секция драматургов ССП СССР устраивает большой вечер, посвященный выборам в Верховный Совет СССР.

Вечер откроется вступительным словом т. Вс. Вишневского.

Затем драматурги прочтут свои новые произведения, посвященные выборам.

К. Тренев написал интермедию к своей пьесе «Любовь Яровая».

А. Глебов, Л. Циновский и Н. Петрашкевич написали одноактные пьесы.

С чтением стихов и песен о выборах выступят В. Лебедев-Кумач, Н. Адуев, А. Арго. М. Гальперин, В. Гусев, М. Пустынин, В. Соловьев и Е. Яновский.

Начало вечера в 19 ч .30 м.

Н. АЩУКИН

Поэт земледельческого труда

К 95-летию со дня смерти А. В. Кольцова

Он родился в семье зажиточного воронежского прасола и сам должен был быть прасолом. Но, как сказал поэт, его колыбель качала муза поэзии и «меж пелен оставила свирель, которую сама заворожила».

Лубочные книжки, которые он покупал на базаре, сказки о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче, затем старинные многотомные романы из библиотеки приятеля, такого же, как и он, книгочия, уносили его в волшебные страны вымысла. Книги окрыляли его мечты, уводили из тесного круга мещанской жизни, полной мелкого обмана, торгашества и надувательства.

А. В. Кольцов.

Однажды случайно он купил на базаре стихотворения Дмитриева. Раскрыв книгу и прочитав несколько строк, он, доселе никогда не читавший стихов, был поражен. Ему показалось, что напечатанные ровными столбцами короткие строки нужно не читать, а петь. И он пропел все стихи Дмитриева, очарованный их мерным ладом и плавностью.

В нем пробудилось желание самому сложить такие же мерные строки, похожие на песню, и он написал свое первое стихотворение «Три видения», в котором рассказал о сне своего приятеля. Эти стихи он впоследствии уничтожил, как слишком неудачный опыт. «Но как ни плох был этот опыт,— говорит его первый биограф, Белинский, — однако ж он навсегда решил поэтическое призвание Кольцова; после него он почувствовал решительную страсть к стихотворству». В русскую литературу пришел новый поэт — Алексей Васильевич Кольцов.

Отныне жизнь Кольцова пошла по двум путям. Один путь уводил его в широкий и светлый мир поэзии, другой — кружил и удерживал в «тесном и грязном» мире торгашества и мещанства. Жизнь поэта-прасола, полную острых противоречий, ярко нарисовал Белинский: «Прасол, верхом на лошади, гоняющий скот с одного поля на другое, по колени в крови присутствующий при резании, или, лучше сказать, при бойне скота, приказчик, стоящий на базаре у возов с салом и мечтающий о любви, о дружбе, о внутренних поэтических движениях души, о природе, о судьбе человека, о тайнах жизни и смерти, в то же время смышленный и бойкий русский торговец, который продает, покупает, бранится и дружится бог знает с кем, торгуется из-за копейки и пускает в ход все пружины мелкого торгашества: какая картина, какая судьба, какой человек».

Картина, действительно, необычайно контрастная, судьба сложная и противоречивая. С одной стороны — тесный круг провинциального мещанства, где поэт — прасол, торгаш, а с другой — мир искусства, где прасол — поэт, благосклонно встреченный Пушкиным, обласканный дружбой Белинского. В этой противоречивости судьбы, разрешить которую Кольцов не смог до конца своих дней, — трагедия его личной жизни, его душевной неудовлетворенности и сердечных мук:

> Так и рвется душа
> Из груди молодой!
> Хочет воли она,
> Просит жизни другой!

Кольцов не сумел порвать с окружавшим его бытом, цепко его удерживавшим

> Много дум в голове,
> Много в сердце огня!..
> Да на путь по душе —
> Крепкой воли мне нет.

Но поэт-прасол, проведя всю жизнь в борьбе с действительностью, которую он называл материальной, нашел в ней глубокий и чистый родник поэзии. «Любовь к жизни во всей ее обширности, — пишет Валерьян Майков, — составляла основу его личности и выразилась в его поэзии... Необходимость удерживала его или в степи среди стад и гуртовщиков или на городских рынках, где, в качестве прасола, он тратил силы свои на возню с торгашеством и надувательством. И что ж? Он не только не изнемог под бременем этой действительности, но еще отыскал в ней источники упоений и материал для поэзии.

Тяжело было ему жить в степи, потому что душа его рвалась в мир, созданный наукой и просветленный искусством, но самая степь пленяла его своею нерукотворною красотою; он любил ее, как художник... Еще тяжелее было ему сносить все явления окружавшего его быта, но и в этом быту художественный инстинкт его отыскал искры человечности, заслоненные от глаз обыкновенного человека, и создал то, что называем мы поэзией крестьянского быта».

Начав с подражаний, Кольцов очень скоро нашел свой собственный жанр — песни. Почувствовать свою самобытность, свежесть звуков «самодельной лиры» помогли ему его друг семинарист Серебрянский (автор известной песни «Быстры, как волны, дни нашей жизни») и Белинский, горячо его приветивший и оказавший на него огромное влияние.

В песнях с наибольшей полнотой вылилось дарование Кольцова. Органически связанные с фольклором, возникшие на почве непосредственного общения с народом, они существенно отличаются от тех буколических, псевдонародных песен, которые слагали его предшественники, — Карабанов, Нелединский-Мелецкий, Дельвиг и другие поэты, слишком далекие от народа.

В песнях Кольцова «впервые увидали мы, — писал Добролюбов, — чисто русского человека, с русской душой, с русскими чувствами, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие».

«Не на словах, а на деле, — писал Белинский, — сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни».

«В русской литературе, — писал Глеб Успенский, — есть писатель, которого невозможно иначе назвать, как поэтом земледельческого труда исключительно. Это — Кольцов. **Никто,** не исключая и самого Пушкина, не трогал **таких** поэтических струн народной души, народного миросозерцания, воспитанного исключительно в условиях земледельческого труда, как это мы видим у поэта-прасола».

В одном из писем Кольцова к Белинскому находится яркое свидетельство органической связи творчества поэта-прасола с народной жизнью. Об'ясняя, почему он так мало писал в последнее время (1839 г.), Кольцов говорит следующее: «Вся причина — это суша (засуха), это безвременье нашего края, настоящий и будущий голод. Все это как-то ужасно имело нынешнее лето на меня большое влияние, или потому, что мой быт и выгоды тесно связаны с внешней природой всего народа. Куда ни глянешь — везде унылые лица; поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать. Какая резкая перемена во всем! Например: и теперь поют русские песни те же люди, что пели прежде, те же песни, так же поют, напев один, — а какая в них, — не говоря уже грусть, они все грустны, — а какая-то болезнь, слабость... Разгульная энергия, сила, могущество будто в них никогда не бывали. Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездушно. Особенно в песне это заметно. В ней, кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящий момент жизни».

Кольцов, как он выразился, «пристально» собирал народные песни (русские и украинские), изучал их, жадно ловил меткие слова живой народной речи, записывал пословицы и поговорки Живительными соками фольклор питал творчество Кольцова, но оно вполне самобытно Его песни — не перепевы народных, не подражания, а самостоятельные создания поэтического искусства, выросшие на почве народного песнетворчества. В них — «душа народа» и мастерство поэта.

Странная забывчивость

К славной годовщине — двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции активно готовилась вся наша страна. Трудящиеся Союза стремились притти к празднику с отличными показателями своей работы.

В стороне от этой активной подготовки почему-то остались редакции литературно-художественных журналов. Ни один из 13 журналов, издаваемых Гослитиздатом, не вышел к 7 ноября.

До сего времени нет юбилейных номеров журналов «Молодая гвардия» и «Молодой колхозник».

Чем об'ясняется такое запоздание?

Журнал «Красная новь», посвященный юбилею пролетарской революции, не вышел в срок исключительно по вине редакции. Вместо 26 сентября редакция закончила сдачу материала в набор только 7 октября, а передовая сдана только... 9 ноября.

Журнал оформляется сложными иллюстрациями Но это ничуть не тревожило редакцию. Рисунки сданы в цинкографию с десятидневным опозданием.

Спешка, неряшливость, беззаботность работников журнала «Красная новь» вызвали огромную авторскую правку, переверстку 20 полос и ... изменение оформления номера.

Запоздала со сдачей материала в набор и редакция журнала «Знамя».

В журнале «Литературный критик» в последнюю минуту выяснилось, что в материалах юбилейного номера необходимо сделать ряд серьезных изменений и поправок.

Более благополучно обстояли дела в журнале «30 дней». Периодсектор Гослитиздата пошел на то, чтобы юбилейный номер этого журнала делался в шести типографиях. Но в последнюю минуту спохватились, что редакция... «забыла» об избирательной кампании, о кипучей политической жизни нашей родины. Эта «забывчивость» характерна почти для всех редакций наших литературно-художественных журналов.

Редакция журнала «Октябрь», как об этом своевременно сигнализировал ЦО партии «Правда», собиралась выпустить ноябрьский номер журнала, игнорируя избирательную кампанию Выступление «Правды», казалось, должно было послужить сигналом для всех остальных редакций литературно-художественных журналов Но они остались глухи. Потребовалось специальное указание, чтобы редакции журналов подумали о материалах, посвященных выборам в Верховный Совет. Но организовать и сдать эти материалы они смогли лишь только после юбилейных дней — 9 ноября.

Кто же в ответе за такую «забывчивость» и опоздание выхода журналов?

Сочинения П. Я. Чаадаева в советском издании

В ближайшее время Соцэкгиз выпускает «Избранные философские сочинения» П. Я. Чаадаева.

Первая попытка познакомить читателя с Чаадаевым была сделана за границей в 1862 году, когда в Париже были изданы «Избранные произведения» Чаадаева на французском языке.

Целых пятьдесят лет, до 1913 года, это издание было главным и почти единственным источником знакомства с Чаадаевым. И только в 1913 году появился первый том нового издания «Сочинений и писем Чаадаева» под редакцией М. О. Гершензона.

В свое время по своей полноте это издание было признано образцовым. Но Гершензон допустил в нем серьезную ошибку: в числе новинок, особенно ценных с его точки зрения, был опубликован и дневник 1824—1825 года, который, как оказалось, был написан не Чаадаевым, а другом его — Д. А. Облеуховым. Ошибка Гершензона породила совершенно неверное представление о развитии мировоззрения автора «Философических писем».

Советское издание Чаадаева не велико: оно основано на отборе всего наиболее интересного из литературного наследства автора «Философических писем».

Издание впервые дает полный текст **всех восьми** «Философических писем», воспроизведенный с экземпляра автора.

Очень важны включенные в сборник «Отрывки» — собрание мыслей, впечатлений и рассуждений Чаадаева, доведенное до самых последних месяцев его жизни.

Кроме того, будут опубликованы четыре письма Чаадаева к Пушкину, шесть — к А. И. Тургеневу, два — к Шеллингу, одно — к Вяземскому, одно — к Хомякову, одно — к Герцену, письма к декабристу Н. Д. Якушкину и другие.

Вошли в сборник и такие значительные произведения Чаадаева, как «Апология безумца», «Рассуждение по поводу бонапартистского переворота 1851 года», и, наконец, самая краткая из всех публикаций, имеющая, однако, огромное значение для определения подлинного политического лица Чаадаева, — проект прокламации, написанный им в 1848 г. и спрятанный в одну из книг его библиотеки.

«Пушкин слушает сказки няни Арины Родионовны»
Скульптура **А. А. Виноградовой.** (Выставка «Цветущая Украина». Киев).

М. КЛЕВЕНСКИЙ

Д. Н. Мамин-Сибиряк

(1912 — 1937 гг.)

Двадцать пять лет назад, 2(15) ноября 1912 г., после длительной и тяжелой болезни умер писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Судьба сыграла с ним злую шутку: он умер вскоре после сорокалетнего юбилея своей литературной деятельности. Умирающий писатель получил многочисленные телеграммы и поздравления, но был уже лишен возможности сознательно их воспринять.

Признание пришло слишком поздно. При жизни значение творчества Мамина упорно недооценивалось современной ему критикой Конечно, Мамина признавали талантом, его произведения охотно печатались, но это признание было каким-то холодным и равнодушным. Его оригинальное и очень сильное дарование при жизни писателя далеко не было оценено в полную меру. Из современных Мамину критиков это отметил Е. Соловьев, указавший, что Мамин-Сибиряк «лишь по какому-то случайному недоразумению держится точно в тени и не занимает по всем правам принадлежащего ему высокого места».

Но в действительности это вряд ли было недоразумением Реалистические романы Мамина, правдиво рассказавшие о делах русской буржуазии и резко осудившие ее бесчеловечность, не могли прийтись по вкусу ни в период господства народнической мысли, ни тем более в период декадентства и символизма.

★

Дмитрий Наркисович Мамин, с фамилией которого навсегда соединился его первоначальный литературный псевдоним «Сибиряк», родился в 1852 г. в семье священника на Висимо-Шайтанском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии. Он учился в екатеринбургском духовном училище и пермской семинарии, в 1871 г. поступил в медико-хирургическую академию в Петербурге Пробыв на двух отделениях этой академии, а затем на двух факультетах университета (естественном и юридическом) до 1876 г. и нигде не окончив курса, он в 1877 г. уехал на Урал, в Екатеринбург (Свердловск) и прожил там до 1891 г. Жизнь в провинции привлекала его: он впоследствии говорил о своем «провинциальном сердце».

К первому пребыванию Мамина в Петербурге в 70-х гг. относится и начало его литературной деятельности. Оно было очень скромно: молодой студент перебивался газетным репортажем и другой мелкой литературной работой, испытывая острую материальную нужду. В это же время он написал несколько рассказов и свой первый, совершенно неудачный роман.

Возобновил свою литературную деятельность Мамин в 1882 г., когда он начал печатать произведения из уральской жизни. На этот раз писатель сразу обратил на себя внимание читающей публики.

К 1891-му году, когда Мамин-Сибиряк приехал в Петербург, он был уже писателем с именем, автором нескольких романов и большого количества повестей, рассказов и очерков. В усиленной литературной работе прошла вся его остальная жизнь. В последние годы жизни, изнуренный недугом, он уже мало писал. С глубокой ненавистью относился старый писатель к произведениям буржуазной литературы после 1905 г., к ее оторванности от народа, к буржуазной эстетской утонченности, к увлечению стилизацией, жертвующей содержанием и мыслью. Все это было органически чуждо Мамину, серьезному и вдумчивому писателю-реалисту.

Мамин-Сибиряк впервые выдвинулся в литературе как изобразитель Урала с его дико красивой природой и своеобразными формами быта. Уралу посвящены его лучшие романы — «Приваловские миллионы» (1884), «Горное гнездо» (1884), «Три конца» (1890), «Золото» (1892), «Хлеб» (1895), повесть «Братья Гордеевы» (1891) и многочисленные рассказы, часть которых собрана в сборнике «Уральские рассказы».

Мамин-Сибиряк правдиво изобразил основные моменты социальной жизни Урала: переход от крепостного заводского труда к вольнонаемному и бурное развитие на этой окраине капиталистических отношений. С этими основными темами связаны все его крупные уральские произведения. Эпоха развития капитализма создавала на родине писателя весьма своеобразные отношения, порождала большую пестроту экономических и бытовых явлений, — весь этот богатый материал нашел в лице Мамина правдивого и яркого изобразителя. Значительность бытовых картин Мамина-Сибиряка оценил В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Говоря о доставке продуктов с Урала в Москву посредством примитивного «сплава» по рекам раз в год, В. И. Ленин добавляет: «Ср. описание этого сплава в рассказе «Бойцы» г. Мамина-Сибиряка.. В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России» (т. III, стр. 379).

При всем богатстве специально уральских бытовых картин и типов у Мамина, он не только «певец Урала», как называли его в литературной критике. Хищничество российского капитализма, ломка, вносимая им во все старые формы жизни, разорение, которое он нес громадному количеству мелких производителей, каторжные условия труда и жизни рабочих — все эти явления нашли в нем яркого изобразителя.

Была ли у Мамина какая-нибудь общая социологическая теория, в свете которой он уяснил бы себе свои богатые жизненные наблюдения? Е. Соловьев в своих «Очерках по истории русской литературы XIX века» относит его к группе «неверующих народников» — наряду с Новодворским-Осиповичем, Гаршиным и Надсоном. Такое зачисление Мамина-Сибиряка в народники, повторявшееся и некоторыми другими исследователями, не имеет оснований. Конечно, в 70-х и 80-х гг, на которые падает начальный период творчества Мамина, народнические теории оказывали сильное влияние на передовую интеллигенцию, — некоторые следы этого влияния можно найти и в творчестве молодого Мамина. Так, герой его первого романа Сергей Привалов, обрисованный автором с известной симпатией, создает туманные народнические планы поднятия земледелия на Урале в противовес заводской промышленности, мечтает о поддержании патриархальной земледельческой общины. Но автор изображает Привалова совсем слабым, несчастным человеком, планы которого утопичны и безрезультатны. Можно найти и некоторые другие частные случаи, где у Мамина проявляются те или иные следы влияния народнической идеологии. Но в общем творчестве писателя эти частности и мелочи не имеют значения. Социологические обобщения народничества остались чужды Мамину, теории народников с самого начала его деятельности не руководили им.

Мы нигде не найдем у Мамина специального интереса именно к крестьянскому быту; преклонение перед общинным духом русского крестьянства, перед знаменитыми «устоями» вовсе отсутствует у него. В очень раннем своем рассказе «Все мы хлеб едим» он говорит о деревне с полной определенностью: «Той идеальной деревни, описание которой мы когда-то читали у наших любимых беллетристов, нет и помину: современная деревня представляет арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремления и инстинкты».

Известный беллетрист народнического лагеря С. Я. Елпатьевский говорит в своих воспоминаниях о Мамине: «С «Русским богатством» его соединяла общая народническая линия, глубоко залегавшая в душе Мамина, но залегавшая не как формулированная, договоренная политическая и социальная программа, а как неискоренимая тяга к народу, глубокое проникновение в дух и характер народа». Ясно, что здесь происходит своего рода игра словами. Между «народничеством» в обычном употреблении этого слова, под которым подразумевается определенная совокупность социальных и политических идей, и неопределенной «неискоренимой тягой к народу», т. е. стремлением писателя изображать жизнь широких трудящихся масс, очень мало общего. Что касается до связи с «Русским богатством», на которую ссылается Елпатьевский, то он же сам указывает на большую личную близость Мамина-Сибиряка к Н. К. Михайловскому, которою и об'ясняется эта связь. В силу той же личной близости с А. А. Давыдовой Мамин принимал самое энергичное участие в «Мире божьем» (впоследствии «Современный мир»); кроме того, он участвовал в «Отечественных записках» «Деле», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и других изданиях.

У Елпатьевского есть очень интересное наблюдение относительно Мамина: «Когда собиралось большое литературное общество, казалось, что он не принадлежит ни к одной из разнообразных групп, собиравшихся там, что он особняком и сам по себе» Значит, никакой естественной тяги к народникам у него не было. Мамин-Сибиряк был «сам по себе». Великолепный изобразитель развития капитализма в России, Мамин не питал никаких народнических иллюзий относительно возможности для России избежать капитализма, но в то же время он не видел, какое огромное положительное значение для исторического развития России имело возникновение пролетариата. Поэтому он не мог указать никакого исхода из тех бедствий, которые были неизбежны в период господства капитала.

Ощущение безысходности наложило сильный отпечаток на творчество Мамина: человек, чрезвычайно любивший жизнь, он систематически изображал в своих романах и повестях картины гибели и разрушения. Финалы его произведений обыкновенно очень драматичны Писателю казалось, что человечеством правят могущественные стихийные силы, противиться которым совершенно бесполезно. Он видел лишь тщету человеческих усилий, видел отчаянную, звериную борьбу за существование, изображал катастрофы и разруху.

Стихийно любивший жизнь, несмотря на мрачный колорит своего социального мироощущения, Мамин занимает видное место между русскими писателями благодаря рельефности своих образов и красочности изображения. Он увлечен и пейзажами Урала и образами уральских людей. Писатель любуется силою — будет ли это чисто физическая сила, проявляющаяся в жестоком кулачном бою («Три конца»), или внутренняя сила крепких, кряжистых людей, которых он так любит изображать.

Те романы Мамина, в которых он от Урала перешел к изображению столичной интеллигенции («Бурный поток», «Падающие звезды» и др.), тоже связаны с основной его темой о разрушительном действии капитализма. Мамин убедительно показывает, как капитализм пагубно действует на все стороны жизни — на семейные отношения, моральные понятия, науку, искусство и пр. По своим художественным достоинствам эти произведения стоят, однако, значительно ниже уральских романов.

Но в лучших своих произведениях Мамин-Сибиряк поднимается на высоту настоящего большого художника.

В наше время интерес к творчеству Мамина-Сибиряка, несомненно, начинает оживать. Интересные данные на этот счет приводил А. М. Горький Один из корреспондентов Горького начинающий писатель-рабочий писал о Мамине: «У него книга, как яичко: вред капитализма он понимает насквозь, и красоты достаточно».

Сам Горький писал Мамину в день его юбилея в 1912 г.:

«Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык. Почтительно и благодарно кланяюсь вам, писателю воистину русскому Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали связь эту и прекрасно показали вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить вас, друг и учитель наш».

Всесоюзный комитет по делам искусств в помещении Государственного музея восточных культур открывает выставку китайской живописи. На выставке будет представлено около двухсот произведений китайской живописи от VIII века до наших дней.

На снимке: рисунок художника **Цзян Тао: «Выступление на антияпонском митинге командира 18-го армейского корпуса национально-революционной армии Китая Чжу-дэ».**

Мастера советской сатиры

Д. МООР
Заслуженный деятель искусств

Выставка официально называется — **«20 лет советской сатиры»**. Но для осуществления подобной задачи, для показа двадцатилетнего развития советской сатиры во всем разнообразии ее форм (газета, окна, листовки, иллюстрации, плакаты и пр.) и способов исполнения (клише, гравюра на дереве, линолеуме, трафарет, непосредственно рисунки тушью, красками и т. д.) понадобился бы целый выставочный городок. В особенности если привлечь на эту выставку не только армию профессиональных художников, но и самодеятельных художников, тех, кто часто непосредственно в бою пользовался оружием сатиры.

Показ произведений советской сатиры на выставке ограничен московскими мастерами, притом главным образом представлены произведения плеяды «крокодильцев» — «стариков» и молодежи. Правда и среди «стариков» преобладают мастера, воспитанные и художественно взращенные Великой Октябрьской социалистической революцией и годами великой стройки сталинских пятилеток. Таковы: Куприянов, Соколов, Крылов, Каневский, Ротов и др.

Выставка ярко свидетельствует об общем реалистическом направлении советской сатиры. Это реализм без эстетства, которому сатирический рисунок сломил голову еще во времена гражданской войны, без формализма, но при исключительно богатом разнообразии форм, и без натурализма, который по самому существу своему органически чужд сатире. Наглядно убеждаешься на выставке, что классовое содержание и целеустремленность темы, массовость уже сами по себе приводят к действенно реалистическому изображению.

Боевой характер тематики типичен для всех мастеров, представленных на выставке, но экспозиция рисунков показывает каждого автора в отдельности.

К сожалению, многих рисунков, которые хорошо помнишь и которые в свое время определили творческое лицо автора, на выставке нет. Но такова уж печальная практика многих издательств: «подписано, и с плеч долой». Издательства предпочитают не беспокоить себя хранением или, тем более, возвращением оригиналов рисунков их авторам.

Острый талант Дени представлен серией рисунков, шаржей, газетных и журнальных карикатур. Здесь и ехидные дружеские шаржи и остроразящие политические шаржи. Это подлинная первоклассная сатира. Изумительна сила изобразительности — рисунок читается с первого взгляда, без обращения к подписи.

Дени владеет секретом настоящего искусства карикатуры. Это подлинное слово мастера, сказанное ему свойственными изобразительными средствами. К сожалению, ни на ком так, как на Дени, не сказалась «небрежность» издательств. Многие оригиналы погибли, растеряны, может быть, тихо «почиют» в коллекциях рисунков «друзей».

Хочется сказать нашей молодежи: учитесь у Дени изобразительному, а не описательному искусству.

Борис Ефимов — это чистокровный «газетчик» с неиссякаемой изобретательностью и легкостью штриха, иногда, правда, несколько однообразною. Но это однообразие становится понятным, когда вспомнишь, сколько этот, еще молодой художник (тоже из «стариков», воспитанных Великим Октябрем) сделал за короткое время рисунков.

Борис Ефимов умеет дать точную характеристику, выдвинуть главное, он совершенно точен в костюмной части рисунка, у него не увидишь «развесистой клюквы». Он прекрасно овладел природой юмора, и даже иногда схематически построенные рисунки у него живут своей «смешной» жизнью. Борис Ефимов на выставке представлен серией газетных и отчасти журнальных рисунков. Большинство газетных рисунков — это оригиналы из газеты «Известия».

Константин Ротов — это счастливый, жизнерадостный и оптимистический художник. У него стихийное чувство юмора при острой наблюдательности и верности глаза. Журнальным рисунком Ротов владеет мастерски.

Среди его рисунков есть совершенно непередаваемые по юмору вещи («Кухня», «Каменный век», «На реке»). Их можно рассматривать бесконечно и каждый раз находить новое в трактовке типажа и ситуации.

Серьезные, умные Кукрыниксы — нераздельная тройка Куприянов, Крылов, Соколов — представлены на выставке прекрасными рисунками. Сатира их зла, напряженна, по тематике и форме чрезвычайно разнообразна. Диапазон их творчества очень широк. У них всегда чувствуется жадное ощущение жизни, умение взять сегодняшнюю тему, серьезно по форме разрешить поставленную задачу. Это уменье настолько ярко в Кукрыниксах, настолько им неизменно свойственно, что о них можно и следует говорить как о больших мастерах. Каждый из них сумел свой талант и художественную индивидуальность подчинить единой коллективной воле и найти коллективный творческий стиль.

Формально они работают цветом, что чрезвычайно ценно, линия их не путает цветовых отношений, а родится из цвета. Поэтому их легко смотреть и на горизонтали, и на вертикали, и в книге, и на стене. Свойственная им декоративность, не переходящая, однако, в самоцель, позволяет думать, что мы скоро увидим их монументальные вещи крупных масштабов. Техническое их мастерство очень высоко. Последние работы намечают более бережное отношение к поверхности, которую они «в дни молодости» немного грязнили, очевидно работа по живописи пробудила в них любовь к каждому дюйму плоскости.

Л. Бродаты — великолепный мастер рисунка и цвета. Этот мастер сатиры и рисунка сейчас в полном расцвете своего дарования. Каждый штрих, каждое красочное пятно строги, продуманы, легки. Кажется, что никаких трудностей для него не представляют рисунок, тема, цвет — до такой степени они непринужденны и как бы рождаются сами собой. Нашей художественной молодежи есть чему поучиться у Л. Бродаты в отношении напора, умения и системы работы. Бродаты лаконичен, выразителен в характеристиках, неожидан и остер в рисунке. Его стиль — индивидуален.

Из молодых «стариков» очень хорош Аминадав Каневский. В его творчестве сочетается легкий смех и исключительный по бичующей силе юмор. Примером последнего являются его иллюстрации к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина. Кажется, что эта Россия, управляемая помпадурами, с ее генералами, крестьянами, избами, лошадьми, все это вросло в землю, все неподвижно, заросло бурьяном, покрыто пылью и грязью.

Рисунки Каневского в «Крокодиле» полны заразительного юмора и графической изобретательности. Очень хороши его рисунки для детей.

Ю. Ганф — талантливый рисовальщик и сатирик. Политические рисунки Ю. Ганфа — это острые памфлеты. Мрачные маски Ю. Ганфа встают одна за другой на выставке и надолго запоминаются своими медленными, каменными движениями. И в тематическом и в графическом отношении Ю. Ганф виртуозно-изобретателен. Многие графические типажи, родившиеся из-под карандаша Ганфа, утвердились как маски, которыми пользуются многие художники. К недостаткам мастера надо отнести некоторое перенакопление «ужасов» в рисунке.

Бурный, нестареющий и неистощимый Радаков представлен как новыми рисунками, так и хорошо известными его старыми работами.

Михаил Черемных — один из крупнейших и интереснейших мастеров советской сатиры. Черемных — это еще «Окна сатиры», ранний «Крокодил» и т. д. Но на выставке Черемных, к сожалению, представлен, только начиная с 1926 года. Это не дает полной картины его пути. Но и того, что показано на выставке, достаточно, чтобы судить об этом прекрасном рисовальщике.

Особое изящество присуще произведениям В. И. Козлинского. Изящный, свободный штрих, легкая трактовка движения, тонкий сарказм в обрисовке характера. Сюда еще надо прибавить острую наблюдательность и композиционную изобретательность. Рисунков Козлинского на выставке немного, и она не дает полного представления о его творчестве.

Д. К. Мельников — полноценный рисовальщик. Его порой нарочито «сухая» трактовка формы об'ясняется лаконизмом автора, строгим отбором художественных средств.

Федор Решетников на выставке представлен картонами, написанными в ледовом лагере челюскинцев. По особенному волнуют эти документальные зарисовки из жизни героев челюскинцев. Рисунки Решетникова полны юмора, они жизнерадостны и по своему злы.

Решетников, Пророков, Горяев, Сойфертис, Семенов — это молодое поколение «Крокодила», выученики «стариков», и каждый из них имеет много достоинств.

Мечтательный Сойфертис — художник легкого штриха, мастер полужурнального-полуиллюстративного характера, наблюдательный, с хорошими композиционными установками; Решетников ищет свою творческую индивидуальность в рисунке, в красках, на бумаге, на полотне, напористый и хорошо видящий жизнь художник; Пророков, несмотря на молодость, опытный работник, прошедший хорошую газетную школу; Горяев начал выдвигаться как иллюстратор, но в «Крокодиле» удачно выступил и как карикатурист.

Для этой способной, даровитой молодежи выставка — крупнейшее достижение и вместе с тем этап творческой самопроверки для дальнейшего совершенствования.

Выставка московских мастеров сатиры

В центральном выставочном зале Всекохудожника (Кузнецкий мост, 11) 16 ноября открывается выставка московских мастеров советской сатиры.

На выставке будет представлено свыше трехсот работ (карикатура, иллюстрация, плакат) 24 московских художников. Экспонируются работы заслуженных деятелей искусств Д. С. Моора, Дени, М. Черемных, Б. Ефимова и крупнейших советских мастеров — Кукрыниксы, Л. Бродаты, А. Каневского, К. Ротова, Ганфа и др.

Представленные на выставке работы написаны на самые различные темы: быт, антирелигиозная пропаганда, литературная тематика, гражданская война, международная политика и др.

На выставке показаны также дружеские шаржи и портретные зарисовки А. М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого и др.

Памяти А. П. Чапыгина

Выставка в Ленинградском университете

Литературный кабинет филологического факультета ЛГУ открыл выставку памяти А. П. Чапыгина.

Студенты рассказывали нам:

— Мы очень любили Алексея Павловича. Многие из нас знали его лично, он не раз приходил к нам в университет на занятия студенческого литкружка. И выставка — наш венок на могилу писателя.

Устроители выставки буквально в несколько дней собрали большой материал о творческом пути А. П. Чапыгина.

Книги, рукописи, документы, фотографии, картины...

Вот висит на стене старинный цеховой аттестат. Чернила на нем почти что выцвели, — он выдан 20 февраля 1902 года.

Среди множества фотографий мы находим и редкий снимок подмастерья живописного цеха А. П. Чапыгина — с ведром и малярной кистью в руке...

Под стеклом — номер литературных прибавлений к «Биржевым ведомостям» за 1904 год, в котором напечатан первый рассказ А. П. Чапыгина «Зрячий».

Особая витрина посвящена историческим произведениям Алексея Павловича. Многочисленным изданиям «Разина Степана» предшествует рукопись пьесы «Гориславич» — первого исторического произведения А. П. Чапыгина, написанного по просьбе А. М. Горького.

Этот раздел выставки завершается последней книгой Алексея Павловича — романом «Гулящие люди».

В других выставочных витринах—автографы писателя, подлинники писем А. М. Горького с оценкой произведений А. П. Чапыгина, письма читателей, критическая литература.

Университетская выставка памяти Чапыгина развернута в... проходной комнате, среди аудиторий и кабинетов. Следовало бы, дополнив некоторые разделы, перенести ее в помещение, доступное для более широких кругов посетителей, например, в Дом писателя им. Маяковского.

Ведь, в сущности говоря, устроители выставки сделали то нужное дело, о котором не подумали ни Литературный музей Академии наук, ни Публичная библиотека, ни тот же Дом писателя.

Б. Р.

★

Правление Ленсоюза писателей приняло ряд постановлений по увековечению памяти А. П. Чапыгина. Помимо издания посмертного собрания сочинений и монографии решено обратиться с ходатайством в Ленинградский совет об установлении памятника на могиле писателя в Александро-Невской лавре, о сооружении мемориальной доски на д. № 19 по ул. Литераторов, где жил Алексей Павлович, и об учреждении стипендии им. Чапыгина в Университете.

Акварель художника **Цзян Тао: «Китайские партизаны».** (Выставка китайской живописи).

Книги будущего года

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Ленинградская писательская общественность продолжает обсуждать план Ленинградского отделения Гослитиздата на 1938 год. Разделы плана, посвященные классике, критике, литературоведению и иностранной литературе, подверглись на правлении ЛенССП еще более резкой критике, чем раздел современной советской литературы. (См. «Литературную газету» от 15 сентября с. г.).

Протесты вызвало решение Ленгослитиздата свести собрание сочинений Гончарова к 6 томам, причем несколько значительных произведений писателя механически отбрасывается.

Помимо собрания сочинений Гончарова, в 1938 году в Ленинграде будут изданы в дополненном и расширенном виде однотомники Пушкина и Тургенева и ряд отдельных произведений русской классической литературы. Из списка почему-то вычеркнуты произведения Чернышевского, Аксакова, Лескова, вычеркнут сборник революционной прозы XIX века, а второстепенные романы Боборыкина сохранены.

Не мог удовлетворить правление ЛенССП и раздел плана, посвященный критике и литературоведению. Главная редакция Гослитиздата утвердила книгу И. Груздева «Горький и его время», работу Г. Гуковского «Предшественники Пушкина», книгу В. Десницкого «Гоголь» и еще 2—3 книги. Но почему не попали в план такие предложенные ленинградцами темы, как «Эстетика Горького», «Сатира Щедрина» и др.?

Современная иностранная литература представлена в плане 79 книгами писателей Америки, Англии, Франции, Испании, Китая, Латинской Америки и других стран. Большая часть намеченных книг не выходила еще на русском языке.

Правление Ленсоюза обратило внимание издательства на отсутствие в плане произведений Л. Фейхтвангера и других крупнейших писателей.

Обсуждение планов Гослитиздата в ленинградской литературной организации показало, насколько целесообразно участие писателей в издательской работе.

Не пора ли создать при Гослитиздате постоянный широкий совет писателей? Это предложение и было выдвинуто на заседании правления Ленсоюза.

ЮР.

Общемосковское собрание критиков

Бюро секции критиков ССП СССР на одном из своих совещаний решило организовать перед 20-летием Великой Пролетарской революции доклады критиков о советской литературе за 20 лет по тезисам, разработанным критической секцией. В частности, намечался доклад П. Ф. Юдина «20 лет борьбы за марксистско-ленинскую критику».

Кроме того секция должна была провести прием в члены и кандидаты союза писателей ряда критиков, о которых, согласно специальному решению президиума ССП, должны были появиться в печати статьи-характеристики.

Все эти решения были зафиксированы в протоколе бюро секции, но ни одно из них реализовано не было.

Необходимого перелома в работе бюро секции таким образом не наступило.

Секретариат ССП СССР решил созвать 20 ноября в ДСП общемосковское собрание критиков с участием широкой писательской общественности. На собрании будут заслушаны отчет бюро секции критиков, а также отчетный доклад журнала «Литературное обозрение».

Лжеписатель

В коридорах московских издательств и редакций нередко можно встретить некоего А. Р. Ларского-Кулиница, именующего себя писателем. Он и киносценарист, и драматург, и скульптор, и прозаик, одним словом, «мастер на все руки».

В 1930—31 г. ему удается пролезть в Московское общество драматургов и композиторов в качестве «кинорежиссера и сценариста». Отнюдь не творческая деятельность соблазняет А. Р. Ларского. Он использует свою принадлежность к обществу драматургов и композиторов как трамплин для карьеры хозяйственника и строителя. Использовав строительно-хозяйственные связи, Ларский вскоре получает квартиру в доме писателя на ул. Фурманова, хотя никакого отношения к писателям не имеет.

От общества драматургов и композиторов Ларский преемственно переходит к Московскому областному отделу союза советских художников и скульпторов, который командирует его в Ташкент уполномоченным по строительству... памятника Ленина. В Ташкенте Ларский также быстро приходит к «финишу» — его выгоняют за невыполнение плана строительства, использование служебного положения в личных целях и за растрату государственных средств. Трудно перечислить все учреждения и предприятия, которые пострадали на доверчивости к этому авантюристу. Одно время Ларский воспользовался щедрой дотацией Гослитиздата. Нелишне отметить, что этот ловкий Фигаро одновременно получает пенсию как «нетрудоспособный».

О темных делишках этого авантюриста еще в 1932 г. поступили материалы в горком писателей, однако эти материалы были припрятаны Майзлиным, бывшим секретарем горкома писателей. Немало материалов о похождениях Ларского имеется и в распоряжении московской прокуратуры.

Совершенно недопустимо, что А. Р. Ларский имеет возможность до сих пор прикрываться какой-то принадлежностью к писательскому коллективу. Коллектив должен решительно от него отмежеваться и, в частности, освободить от него дом писателей.

П. У.

Книжная хроника

ГОСЛИТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ:

✱ **«Мать»** — М. Горького.

✱ **«Мыс желания»** — С. Кирсанова. В книгу включены стихи и поэмы последних лет. Отдельным изданием выходит «Твоя поэма» С. Кирсанова.

✱ **«Севастополь»** — роман А. Малышкина. Издание иллюстрировано.

✱ **«Гвардия Мак Кумгала»** — исторический роман Евгения Ланна, посвященный борьбе Ирландии за независимость. Действие романа развертывается в Дублине в начале шестидесятых годов прошлого века, в эпоху премьерства Пальмерстона. В основу романа положены малоизвестные у нас материалы о разгроме Пальмерстоном революционного союза фениев.

✱ **«Воскресение»** — Л. Толстого, с цветными рисунками Л. О. Пастернака.

✱ **«Пошехонская старина»** — Салтыкова-Щедрина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Человек с об'ективом

Шумит, волнуется революционный Петроград. Хмурое октябрьское утро встает над серыми громадами зданий. Туман липкой влагой оседает на мостовые и асфальтовые плиты тротуаров. Человек с об'ективом выходит на улицы столицы былой российской империи. Он смотрит на небо, недовольно бормоча:

— Ужасный свет...

Человек с об'ективом осторожно продвигается по кварталам восставшего города. Гремят раскаты орудийных залпов «Петропавловска». Со звоном лопаются стекла, осыпая осколками человека, прижавшегося к чугунному фонарному столбу. Прикрывая кепкой аппарат, человек торопливо выдвигает кассету и щелкает шторкой. По булыжной мостовой в прокопченных, засаленных пиджаках шагают красногвардейцы с Путиловского. Артиллеристы в серых шинелях с наспех оторванными погонами выкатывают орудия к Смольному. У Зимнего выбивают юнкеров...

Человек с об'ективом торопливо сует отснятые кассеты в карман порыжевшего пальто и, вскинув на плечо винтовку, догоняет рабочий красногвардейский отряд. Он спешит. Надо много сделать в эти горячие, полные борьбы и тревоги дни. Здесь — Ленин, гениальный Ленин, вскинув руку в широком, смелом взмахе, бросает пламенные слова в гущу многотысячной толпы; там— Сталин, великий Сталин кует победу октябрьского восстания, двигая полки и рабочие батальоны на штурм твердынь капитала.

Дни бегут за днями, надо всюду поспеть, ничего не упустить. Казалось, только вчера еще человек с об'ективом щелкнул шторкой, снимая братание делегатов корниловской «дикой дивизии» с солдатами и красногвардейцами в Петрограде, а сегодня он фотографирует Сталина и Ворошилова в окруженном белыми бандами Царицыне; следует за ними на 9-й с'езд партии; в штабном вагоне несется в Баку, чтобы зафиксировать вступление Кирова и Орджоникидзе в освобожденный от англичан и муссаватистов Азербайджан; на юге — снимает захваченный под Каховкой белогвардейский танк, на востоке — легендарных бойцов неукротимого Чапая.

Цокают копыта горячего вороного коня,— Михаил Васильевич Фрунзе выехал на Красную площадь принимать парад рабоче-крестьянской армии. И перед ним тотчас вырастает человек с об'ективом, один из тех простых советских людей, кто, делая историю страны, попутно фиксировали на пленке и на стекле могучее дыхание своей славной родины.

✱

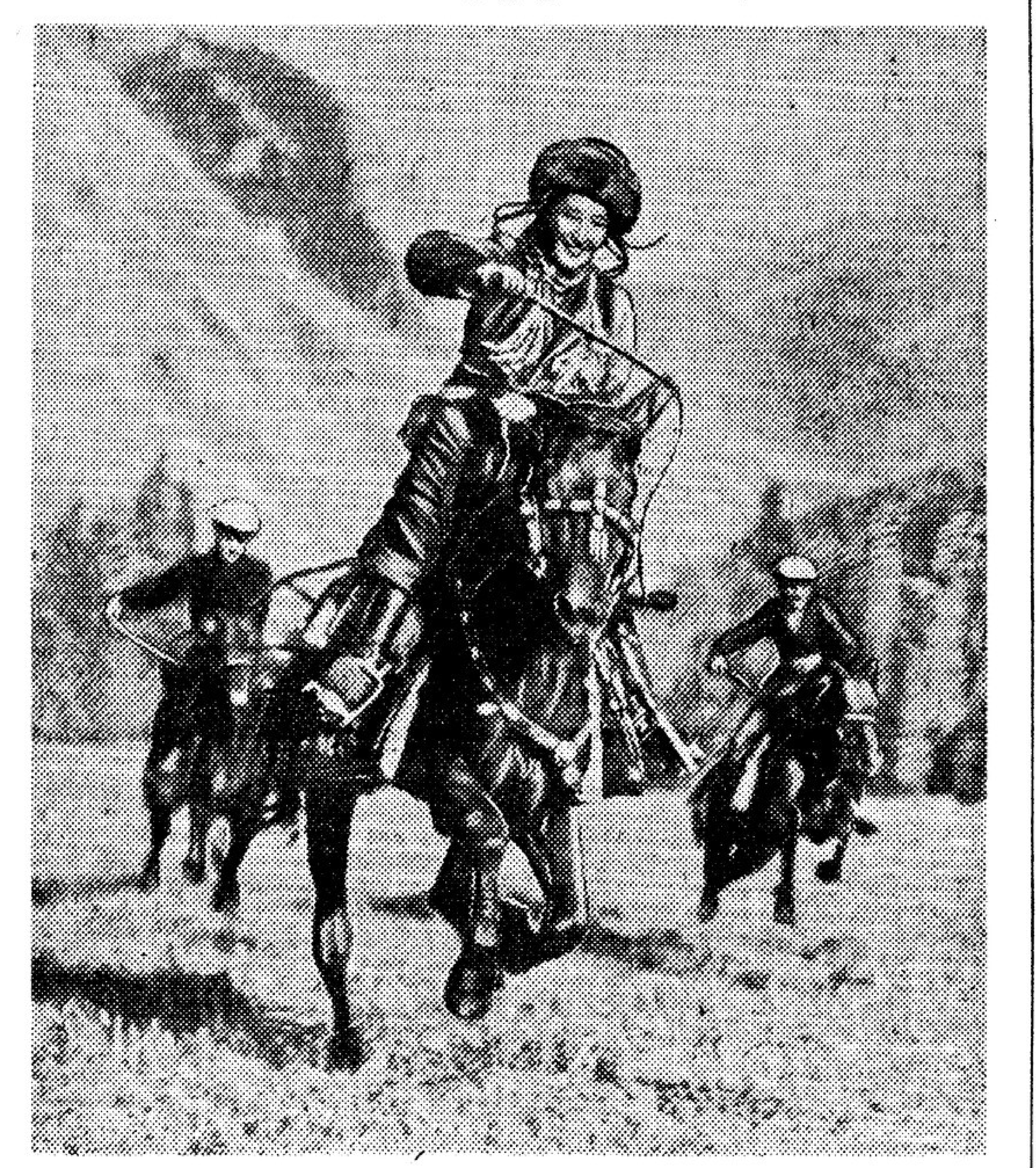
Какая огромная пропасть лежит между дореволюционной и советской фотографией. Наиболее типичным для фотоискусства прошлого был «семейный» портрет, который можно было лицезреть на витринах любой фотографии в каждом российском городе: папаша—владелец бакалейной торговли, с массивной цепочкой, обвешанной брелоками, застывшими на округлом животе руками, его счастливая супруга, не знающая, куда деть руки, и дети, уставившиеся бессмысленными оловянными глазами в об'ектив. Этот сюжет обрамлялся обычно снимками местной светской львицы, снятой анфас и в профиль «под Веру Холодную», а также отпечатком двух забулдыг подпоручиков, воинственно опирающихся на эфесы тупых пехотных шашек и чокающихся стопками русской горькой.

Всю широту и необычайный размах советского фоторепортажа и фотоискусства характеризует первая Всесоюзная выставка по фото, на-днях открывшаяся в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. Здесь собрано все лучшее, чем откликнулся на славный 20-летний юбилей страны социализма человек с об'ективом — и профессионал, и любитель.

В ярких, выразительных фотодокументах, в снимках, нередко исполненных с блестящим художественным мастерством, отражено все многообразие жизни единственного в мире социалистического государства рабочих и крестьян. **Пять тысяч фотографий получило жюри** из различных уголков СССР, отобрав около полутора тысяч на выставку. Выставка хороша уже одним тем, что можно привести на нее любого, не имеющего никакого понятия об СССР, человека, и он, ознакомившись с беспристрастными фотодокументами, развешанными на щитах, увидит и узнает, как живет и чем дышит наша могучая и счастливая родина.

Добрых полтора десятка стэндов заметно выделяются среди остальных, и под ними мы читаем знакомые фамилии фотомастеров, выращенных и воспитанных большевистской печатью. Это—М. Альперт, Д. Дебабов, Зельма, Е. Игнатович, Калашников, Кислов, Кудояров, Кулешов, Марков, Мусинов, Н. Петров, Петрусов, Родченко, Озерский, Фридлянд, Шагин, Шайхет, Штеренберг и др.

Особенность их творчества — огромный диапазон тем, охватывающих буквально все стороны жизни страны социализма. Советский фотомастер не отсиживается в четырех стенах студии, освещенной юпитерами, он заходит в кабинеты вождей партии и правительства в Кремле, снимает парады на Красной площади, летит на самолете героев на Северный полюс, карабкается на ледники Пика Сталина и Хан-Тенгри, несется на торпедном катере по Балтийскому морю и Амуру, сидит на постановке театрального кружка в селе Ивановке, бродит с Марией Демченко по свекловичному полю на Украине, с Мамлякат-Нахангловой—по хлопковому в Таджикистане, следит за движениями Макара Мазая у доменной печи, спускается с Алексеем Стахановым в шахту Ирмино.

Киргизка-комсомолка.
(М. Альперт. — Всесоюзная выставка фотоискусства).

Свыше шестидесяти своих лучших работ посвятили фотомастера вождю народов СССР и мирового пролетариата И. В. Сталину. Посетители выставки, подолгу задерживаясь у этих щитов, с любовью изучают облик лучшего друга всех трудящихся.

Вот Сталин работает в своем кабинете.

Сталин выступает на II Всесоюзном с'езде колхозников (Кислов).

Сталина обнимают за столом президиума таджичка-пионерка Мамлякат и туркменская колхозница Эне Гельдиева (Калашников).

Сталин склонился к Ворошилову—оба заразительно смеются.

Сталин закуривает трубку (М. Альперт).

Последний снимок особенно мастерски выполнен—даже огонь спички живой — горит!

М. Альперт—зрелый законченный мастер —выставил ряд замечательных, высокохудожественных работ, свидетельствующих о большой культуре автора. Надолго запоминаются его киргизка-комсомолка, скачущая на коне по альпийским горным лугам, и колхозные вышивальщицы в саду, залитом мягким солнечным светом.

Живой Киров, пламенный трибун, очень удался Калашникову. Прекрасны работы Петрусова: «Кабардинка», «Торпедная лодка» и «Обед в поле». Замечательны снимки молодого фотомастера Халипа, в особенности «Казах-краснофлотец», «Торпедист» и «Ворошилов на осенних маневрах». Нарком обороны внимательно смотрит на часы, на козырьке его фуражки влага—чувствуется сырой, осенний день,—снимок живет. Хороши тяжелые «Корабли над облаком» — Шагина, «Встреча Молокова» — Мусинова: мать плачет от радости, прильнув к прилетевшему из Арктики Василию Сергеевичу, все, встречающие героя-пилота, смеются.

Трудно даже просто перечислить все выдающиеся экспонаты выставки—их слишком много. «Блюхер на маневрах Амурской флотилии» и «В Туруханской тайге» (Дебабова), портрет Маяковского (Родченко), «М. Горький прощается с Ромэн Ролланом» (Озерский), тончайшие работы Штеренберга, посвященные искусству танца, «На вахте»—Петрова, серия «Испания» Макасеева и фото других перечисленных выше авторов стоят на уровне настоящих художественных произведений.

Из молодых выделяются Гурарий, Л. Данилов и юный фотолюбитель Кунов (Москва).

Есть и недостатки на первой Всесоюзной выставке: тесно фотографиям, они очень скучены, отсутствуют фотокарикатура, фотоплакат, фотомонтаж и почти нет сверхувеличений. Тем не менее выставка оставляет прекрасное впечатление.

ГАБРИЭЛЬ.

Уполномоч. Главлита В—29628.
Типография газ. «Индустрия». Москва, Цветной бульвар, 30.